ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 26 (2289). Суббота, 22 июня 1946 г. Цена 45 коп.

Сегодня в номере:

1 стр. **Приветствие Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б)** Президиуму Верховного Совета Марийской АССР, Совету Министров Марийской АССР, Марийскому обкому ВКП(б). **На VII сессии Верховного Совета РСФСР. Николай Тихонов.** Горький и советская литература.

2 стр. **Вас. Гроссман.** Памяти павших. (Заметки писателя). **С. Николаев.** Четверть века марийской литературы. **Мих. Зенкевич.** Певец украинского народа. **Информация.**

3 стр. **По поводу одной полемики. К. Зелинский.** Роман о казахской степи. **А. Лукин.** Люди большого сердца. **Д. Данин.** Неуправляемое слово. **Информация.**

4 стр. **А. Бассехес.** Культура книги. **Е. Успенская.** Фильм о Горьком. **Л. Михайлов.** Памяти А. Н. Островского. **Николай Богословский.** «Слог» и «стиль» товарища Астахова. **В ССП СССР.** Вечер Л. Квитко. Партизанский фольклор. На собрании московских драматургов. **Информация.** «Горьковские чтения». В несколько строк.

Президиуму Верховного Совета Марийской АССР Совету Министров Марийской АССР Марийскому обкому ВКП(б)

Совет Министров Союза ССР и Центральный Комитет ВКП(б) приветствуют рабочих, колхозников и интеллигенцию Марийской Автономной Советской Социалистической Республики в день 25-летия Марийской Советской Республики.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла марийскому народу путь к созданию своей советской государственности, дала возможность осуществить его вековые мечты об освобождении от гнета помещиков, капиталистов и царских вельмож-колонизаторов.

За годы советской власти трудящиеся Марийской АССР с помощью великого русского народа, в братском сотрудничестве с другими народами Российской Федерации ликвидировали былую хозяйственную и культурную отсталость республики, добились серьезных успехов в развитии народного хозяйства и культуры. В Марийской АССР построены десятки социалистических предприятий, заново созданы лесная и деревообрабатывающая промышленность, бумажный комбинат, судостроительная верфь.

Благодаря колхозному строю марийский народ навсегда покончил с нищетой и кулацкой эксплоатацией. Колхозное крестьянство республики в годы войны оказало серьезную помощь фронту и стране хлебом, мясом, картофелем. Передовые колхозы республики добились значительных успехов в деле повышения урожайности и развития животноводства.

Трудящиеся республики достигли значительных успехов в области культурного строительства. До Октябрьской революции девять десятых марийского населения было неграмотным. В настоящее время республика стала страной сплошной грамотности. В Марийской АССР работают 768 начальных, семилетних и средних школ, 15 техникумов, три высших учебных заведения, сотни колхозных клубов, библиотек и изб-читален.

В годы Великой Отечественной войны трудящиеся Марийской АССР достойно выполнили свой долг перед Родиной. Сыны марийского народа проявили отвагу и мужество на полях сражений, рабочие, крестьяне и интеллигенция республики самоотверженно трудились на фабриках, заводах, в колхозах.

Совет Министров Союза ССР и Центральный Комитет ВКП(б) выражают твердую уверенность в том, что трудящиеся Марийской АССР будут и впредь неустанно бороться за дальнейший под'ем народного хозяйства и культуры республики, отдадут свои силы на выполнение и перевыполнение пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства СССР, на благо нашей советской Отчизны.

Совет Министров Союза ССР.

Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков).

На VII сессии Верховного Совета РСФСР

20 июня, в 7 часов вечера, в Кремле, в Большом Кремлевском дворце состоялось открытие VII сессии Верховного Совета РСФСР.

За столом Председателя: Председатель Верховного Совета РСФСР тов. **Жданов А. А.**, заместители Председателя товарищи **Тынчеров А. Х., Сарычева М. В., Иванова П. И., Мавлютова М. З., Табаков Н. Г.** и **Гидаев С. Н.**

Появление в ложах членов Президиума Верховного Совета СССР и членов Правительства Союза ССР, членов Президиума Верховного Совета РСФСР и членов Правительства РСФСР присутствующие встречают бурной, долго не смолкающей овацией.

Сессию открывает Председатель Верховного Совета РСФСР депутат **Жданов А. А.**

Товарищ **Жданов** произносит речь, посвященную памяти Михаила Ивановича Калинина.

Верховный Совет РСФСР единогласно утверждает следующий порядок дня:

1. Пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства РСФСР на 1946—1950 гг.

Вносится Советом Министров РСФСР.

2. Утверждение Государственного бюджета РСФСР на 1946 год и утверждение отчета об исполнении Государственного бюджета РСФСР за 1945 год.

Вносится Советом Министров РСФСР.

3. Утверждение Указов Президиума Верховного Совета РСФСР.

Вносится Президиумом Верховного Совета РСФСР.

С докладом по пункту первому порядка дня сессии—о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства РСФСР на 1946—1950 гг. выступил Председатель Госплана РСФСР тов. **Дегтярь Д. Д.**

На утреннем и вечернем заседании Верховного Совета РСФСР 21 июня происходило обсуждение доклада о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства РСФСР на 1946—1950 гг.

На страже мира

Прошло пять лет с того дня, когда фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз, и на огромном пространстве фронта, от Баренцова до Черного моря, вспыхнула невиданная в истории битва. В войне с фашизмом народы первого в мире социалистического государства несли главную тяжесть борьбы на своих плечах. В кровавых боях они отстояли не только свободу и независимость своей Родины, но и судьбы всего человечества.

Великий подвиг советского народа, поддержанного другими свободолюбивыми нациями, спас человечество от мрака фашизма. Ценой жизни миллионов людей, ценой беспримерного упорства и героического труда добыта эта победа. Военный гений товарища Сталина привел нас к победе над силами мировой реакции.

Пять лет назад война прервала мирный труд советских людей. Она обрушилась на наши народы, как великое бедствие. Орды варваров и человеконенавистников сжигали наши города и села, изрыли наши поля гусеницами танков, злодейски убили множество мирных граждан, и среди них великое число стариков, женщин и детей. Истребление беззащитных людей, уничтожение культурных ценностей — вот тот «новый порядок», который несли фашисты в мир.

Против этого каннибальского «нового порядка» поднялись все силы нашей самой передовой в мире демократии, созданной Лениным и Сталиным на шестой части земного шара. Все прогрессивные стороны советского строя жизни — нерушимая дружба наших народов, отсутствие эксплоатации человека человеком, подлинная демократия и гуманизм, являющиеся основой нашего государства, — проявились в годы войны с исключительной силой. Советский общественный и советский государственный строй оказались самыми совершенными и жизнеспособными.

В годы войны наш народ жил в едином устремлении. Каждый советский человек на том месте, куда его забросила война, искал и находил возможность отдать все свои способности, все свои знания священному делу победы над фашизмом. «Отечественная война показала, что советский народ способен творить чудеса и выходить победителем из самых тяжелых испытаний» (Сталин).

Фашистская Германия перестала существовать. Разгромлена и фашистская Япония. Но прибежище для фашистов всех стран продолжает существовать у матерого сообщника Гитлера, поработителя испанского народа — Франко. Поддержка извне обеспечила разгул фашистской реакции в Греции. Сохраняются очаги фашизма в западных зонах оккупации Германии. В Японии реакция чувствует себя настолько уверенно, что подавляет демократические требования народных масс.

Пятилетие со дня нападения гитлеровцев на Советский Союз совпадает с работой конференции четырех министров иностранных дел в Париже. Читатели, внимательно следящие за отчетами о работе конференции, за трудностями, которые на ней возникают, за страстями, бушующими вокруг парижских переговоров в иностранной печати, — видят, что немало людей стремятся предать забвению опыт минувшей войны, игнорировать великий подвиг советских народов и их беспримерные жертвы.

Но можно ли заставить народы всего мира отвернуться от уроков истории? В странах, испытавших ужасы фашистского нашествия, — во Франции, Бельгии, Польше, Норвегии, Чехословакии, Югославии, Албании, Греции, Китае, рядовые труженики не забыли и не забудут всей меры перенесенных ими страданий, попранного человеческого достоинства, ущемленной национальной гордости.

В странах, которые гитлеровцы на время сделали пособниками и соучастниками своей агрессии и сперва подчинили нуждам фашистской военной машины, а потом превратили в поля сражений, — в Венгрии и Финляндии, в Италии, Румынии и Болгарии — народы поняли, в какую пропасть увлекали их фашисты. И этого они не хотят забывать. Но и в тех государствах, которые великая битва обошла стороной и участие которых в войне ограничилось экономическими усилиями и посылкой войск на отдаленные театры войны, народы потрясены зловещим отсветом войны, озарившим мир. Бедствие ранит души даже сторонних свидетелей, если это честные и искренние люди. Простые и непокупные труженики не могут допустить даже и отдаленной возможности повторения подобного бедствия.

Народы всего мира хорошо помнят слова товарища Сталина: «...нельзя отрицать того, что в будущем миролюбивые нации могут вновь оказаться застигнутыми врасплох агрессией, если, конечно, они не выработают уже теперь специальных мер, способных предотвратить агрессию». Нет, люди не забудут страшных уроков войны, как бы их ни уговаривали рыцари нечистой совести.

Внимание миллионов людей всех национальностей приковано к Советскому Союзу, к истории его великого сопротивления гитлеровской агрессии.

Никому не удастся зачеркнуть уроки истории. Мы ничего не забудем! Мы будем помнить сами и неустанно напоминать человечеству о грандиозной эпопее небывалой войны, ибо в этой эпопее выражен бессмертный дух советского строя, сущность новых социалистических отношений советских людей, которым принадлежит будущее.

Для этого и наша литература в романах и повестях, в поэмах и драмах, в рассказах и сценариях покажет в художественных образах величие справедливейшей войны советского народа, принесшего освобождение человечеству.

Во имя мира мы будем помнить и изучать опыт войны. Во имя творческого, созидательного труда мы укрепляем мощь нашей страны и всегда всей мощью нашей Державы, несокрушимой силой своей правоты отстаиваем мир во всем мире. На нас с надеждой смотрят народы всех стран, которые хотят мира, свободы и права на спокойный труд.

18 июня в Москве у дома № 6 по Малой Никитской улице, где жил и работал последние годы своей жизни А. М. Горький, состоялся митинг, посвященный открытию мемориальной доски. На снимке: слева — выступает Н. Тихонов, справа В. Лебедев-Кумач открывает мемориальную доску.

Фото В. Савостьянова (Фотохроника ТАСС).

Николай ТИХОНОВ

ГОРЬКИЙ И СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

1.

Очень трудно в немногих словах говорить о таком ярком, удивительном, необыкновенном явлении в жизни нашей родины, каким был Алексей Максимович Горький. Только десять лет отделяют нас от скорбной даты его смерти, и еще в памяти современников звучит его живой голос, и так и кажется, что вот-вот явится он среди нас с своей ласковой и суровой улыбкой строгого и справедливого судьи наших промахов и достижений, чуть усмехаясь в свои жесткие усы и блестя молодыми, колючими глазами.

Почти полвека звучало его слово великого писателя, учителя жизни, непримиримого искателя революционной правды, слово, обжигавшее сердца сотен миллионов людей, живущих на просторах всего мира, слово, равно ощущавшееся с трепетом и выдающимися писателями с мировым именем и простыми, самыми простыми и скромными тружениками. Он положил столько любви на борьбу за права свободного человека, так потряс душу народную, что навсегда бессмертным останется его имя и его великое творчество.

Писатель, величие которого долго будут чувствовать новые и новые поколения людей в нашей стране и за ее пределами, великий искусник, изобразивший целые галереи людей дореволюционной и революционной России, небывалый мастер русской литературы, отец и зачинатель литературы советской, он стоит перед нами, как последний величайший могикан классической русской литературы и гигантский родоначальник пролетарской, советской, знаменуя стык двух величайших культур — старой и новой жизни нашей родины.

«Горький — громадный художественный талант, который принес и принесет много пользы всемирному пролетарскому движению»,—сказал о нем Владимир Ильич Ленин.

И, если мы будем просматривать день за днем жизнь Горького, мы увидим всю справедливость этого высокого высказывания. От первых сознательных шагов своих до последнего часа Горький понимал свое назначение в жизни, как борьбу за угнетенного, бесправного человека, он проходил через самые мучительные трудности и испытания с высоко поднятой головой и гордой верой в торжество народной правды. Он увидел победу и праздник трудового народа, он вместе со всем советским народом вкусил сладость свободного труда и свободного творчества. Его трагическая кончина была народным горем, всемирно отозвавшимся.

«После Ленина смерть Горького—самая тяжелая утрата для нашей страны и для человечества»,—сказал Вячеслав Михайлович Молотов на траурном митинге на Красной площади 20 июня 1936 года.

Непонятен будет образ Горького, если мы не проследим его жизненный путь, который не похож на путь писателей, впоследствии получивших огромное признание. Этот путь Горького необыкновенен. Только богатырь, взращенный глубочайшими народными истоками сил, мог так победно, со все возрастающей энергией сопротивления и роста, пройти тяжелейший путь от низов жизни, через самые черные работы, через самые черные годы реакции, безверия, униженности, всяких тягот и преследований, и сохранить неисчерпаемую радость жизни и веру в человека.

Он и был таким богатырем в самом деле. «Я был здоров — говорит он о себе: — обладал недюжинной силой, мог девять раз, не спеша, истово перекреститься двухпудовой гирей».

Эта же сила перешла и в его произведения. Он как никто знал жизнь простого народа. Он изображал неустанно мир, страшный, пышащий ненавистью к человеку, мир мещан, купцов, рабочих, крестьян, кулаков, мир полицейских и жандармов, помещиков, нищих и богатеев, безпочвенных, мрачных пропозедников унынья и непротивленья, интеллигентов, обильно расточавших красное слово пустопетного самолюбованья. Ни герои романтического вызова страшной жизни, ни энергичные, себе на уме, покрытые лаком буржуазной культуры представители купеческого мира, ни узкие догматики кабинетных истин не сбили его с пути, не обманули его проницательного, орлиного взора, подмечавшего все ложные попытки найти выход из душного тупика российской действительности.

И в самой своей последней большой вещи—в повести «Клим Самгин», в этом пространном произведении, где начертаны десятки портретов людей дооктябрьской эпохи, он с беспощадной силой разоблачил в лице главного героя повести того представителя мыслящего общества, который, как в фокусе, соединяет в себе все накопленные Горьким наблюдения над судьбой бессмысленно проживших людей, мнивших себя «солью земли».

«Я ни с кем и ни с чем не связан,—говорит сам себе Клим Самгин: — действительность мне враждебна... Я хожу над нею, как по канату». И в то же время Самгин самодовольно любуется своей сложностью и оригинальностью. А рядом с ним Россия—распинаемая, нищая, загоняемая в тиски каторжного труда, в тюрьмы, на большие дороги, в кабалу эксплоататоров всех мастей, разоренные деревни с соломенными, прогнившими крышами, быт мещан, с лампадкой и пьянством, угнетение женщины, гибель детей, голод и беспросветная нужда.

Горький исходил все дороги жизни, он был мастеровым малярного цеха, пекарем, грузчиком, конторщиком, чернорабочим, сторожем, батраком...

При одном аресте его спросил жандарм, почему он ходит с места на место?

— Я хочу знать Россию! — ответил он.

— Это не Россия, а свинство, — сказал жандарм, указывая на окно. Да, там, за окном, загоняли людей в свинство, во что бы то ни стало хотели превратить их в подобие бессловесных скотов.

«Меня крутил по земле вихрь сомнений, от которых сердце мое разрывалось на куски и леденел мозг, я ходил среди людей полуслепой, не понимая смысла их жизни, их страданий...».

«Жизнь развертывалась передо мной, как бесконечная цепь вражды и жестокости, как непрерывная, грязная борьба за обладание пустяками. Лично мне нужны были только книги, все остальное не имело значения в моих глазах».

«Жизнь... грязненькая и хитрая работа муравьев, кропотливо строящих кучу жизни, эта жизнь казалась мне насквозь глупой, убийственно скучной... Освежающим дождем падали на сердце мое речи народопоклонников и очень помогла мне наивная литература о мрачном житии деревни, о великомученике-мужике. Я почувствовал, что только очень крепко, очень страстно любя человека, можно почерпнуть в этой любви необходимую силу для того, чтобы найти и понять смысл жизни. Я перестал думать о себе и начал внимательнее относиться к людям».

В этом искании настоящего пути ему помогла «та старая гвардия большевиков, которая подняла величайший бунт, который когда-либо знал мир».

В этом настоящем направлении борьбы и победы ему помогал великий Ленин — «большой, настоящий человек мира сего, человек с большой буквы», «простой, как правда».

Истина этого неустанного революционного движения спасала душу его творчества среди мрака непроглядной ночи, она освещала его путь своими яркими вспышками, позже воссиявшими прекрасной зарей Октябрьской революции. И Горький, вспоминая эти годы тяжелой борьбы, оставил миру великолепный образ Владимира Ильича Ленина, первым начертав его со всей силой своего гениального пера.

Во всех сомнениях и тревогах мучительного бытия Горький верил в судьбу своего народа. Он сказал: «я вижу русский народ исключительно, фантастически талантливым».

Он видел его в грязной и тяжелой работе, униженным и мрачным, и все-таки верил, потому что не верить не мог.

Он видел красоту мира, и наши громадные реки, и просторы золотых полей, и тишину вечеров, и неохватные леса, и степи в полыми заката, и казалось, что в минуту такого наблюдения или воспоминания он сказал замечательные слова: «превосходная должность — быть на земле человеком, сколько видишь чудесного... Ну, да, порою бывает трудно, вся грудь нальется жгучей ненавистью и тоска жадно сосет кровь сердца, но это не навсегда дано, да ведь и солнцу часто очень грустно смотреть на людей—так много потрудилось оно для них, а не удались людишки... Разумеется, есть немало и хороших, но их надобно починить или лучше переделать заново».

Он сам вышел из ада царской России, и книги его стали оружием эпохи, слово его вело людей вперед, к тому великолепному мира, о котором он мечтал всю жизнь. Он ненавидел страдание, и самое слово и содержание его. Он полюбил такой глубокой любовью великих вождей борющегося человечества—Ленина и Сталина именно потому, что они вывели человека из тьмы, перестроили этого человека, вооружили его, привели его к победе и дали ему развить прекрасные силы, заключенные в нем, — он, маленький человек, стал строителем самого могучего государства на свете, стал творцом нового мира.

И Горький с благодарным сердцем мог говорить всему миру о нашей стране, «освещенной гением Владимира Ильича Ленина, где неутомимо и чудодейственно работает железная воля Иосифа Сталина», человека «могучей организаторской силы» и «высочайшего напряжения творческой энергии».

Горький, чье имя мы называем за именами ветиканов русской художественной мысли, за именами Пушкина, Гоголя, Толстого, — сам нескончаемый источник творческой энергии и самого напряженного вдохновения. Он вложил всю душу в свои произведения. Он всегда чувствовал огромную ответственность за свою работу писателя. «Я жутко почувствовал, что писательство — нелегкое дело»,— признается он, и, если Микель Анджело работал с силой каменотеса, вырубая из мрамора свои могучие образы, то Горький не уступает никому из великих по тому титаническому труду, с каким он искал совершенства для своих произведений.

И он стал отцом и вождем пролетарской, социалистической советской литературы, начав ее буревестником огненного слова о грядущей буре-революции.

Горький писал в свое время, что «тревожное ощущение духовной оторванности интеллигенции, как разумного начала — от народной стихии всю жизнь более или менее настойчиво преследовало меня».

И когда наступила светлая пора, когда Октябрь раскрепостил таланты, вызвал волну первозданного творчества новых дней, когда Горький увидел, что «нигде и никогда еще литература не ценилась так высоко, как ценят ее в Союзе Советов, никогда еще историческая, культурная роль искусства не понималась так ясно», — он с особой нежностью, с особым сердечным вниманием начал следить за ростом молодых писателей, помогая им всемерно и своим писательским опытом, и советом старшего друга, и приходя им на помощь в самых разнообразных житейских нуждах.

Из писателей первого поколения Октября и позднейших огромное большинство испытало на себе благодетельное влияние горьковского участия в их литературной судьбе. Жил ли он в Петрограде, в первые годы Октября, в Москве, в Сорренто, или опять в Москве в последние годы — связь между ним и писателями никогда не прерывалась и не ослабевала.

Откройте его архивы, и вы будете поражены, сколько своего времени отдал он рукописям начинающих и уже вставших на ноги литераторов. Сколько он отдал труда на письма, в которых он с присущим ему вниманием подробно анализировал их романы, повести, рассказы, очерки, поэмы, стихи, пьесы, то восторгаясь новизной прочитанного, то огорчаясь неудачами, то радуясь появлению нового талантливого произведения.

Нельзя называть имена этих писателей, потому что пришлось бы перечислить всех существующих и уже умерших писателей, потому что все мы так или иначе были в поле его внимания, сидели у него за писательской беседой, видели его среди нас на литературных собраниях и заседаниях, слышали и читали его многочисленные отзывы о наших произведениях. Горький неотделим от жизни нашей советской молодой литературы, от ее роста. Мы обязаны Горькому тем, что он с неустанной силой вел вперед нашу литературу, всем сердцем, всем умом, всем творчеством своим указывая нам путь.

Мы обязаны Горькому тем, что он следил именно за тем, чтобы передовая интеллигенция — писатели — душа народа— не отрывались от народа, не уходили в дебри самолюбования, не теряли кровной связи с народом. Он внушал нам со всей авторитетностью, что «литература есть дело, а в нашей стране, в наших условиях — даже великое дело».

Он всегда говорил о том, что «литература пролетариата всех племен Союза Социалистических Советов ставит перед собой крайне трудную задачу создать приемами реализма эпическое искусство, в котором отразился бы со всей возможной силой слова и полнотою героизм рабочего класса, строителя нового общества—героизм индустриального вооружения страны и борьбы против всех и всяческих пережитков прошлого».

Молодые советские писатели не имели в своей среде талантов, равных классикам прошлого, все было ново в быту страны, в ее буднях и праздниках, изображение нового героя требовало и новых слов и нового подхода. Но сердца наши горели желанием служить избранному пути, и огромна была наша радость, когда великий Горький, наш наставник и старший собрат, сказал: «Не надо забывать, что русской буржуазной литературе потребовалось,—считая с конца восемнадцатого века — почти сто лет для того, чтобы властно войти в жизнь и оказать на нее известное влияние. Советская революционная литература достигла этого влияния за пятнадцать лет».

Он же указывал нам и на нового героя нашей литературы, сказав, что если уж говорить о его, Горького, художественной силе, то она, по его мнению, в том, что он «первый в русской литературе, и, может быть, первый в жизни вот так лично понял величайшее значение труда, образующего все ценнейшее, все прекрасное, все великое в этом мире».

В этом процессе социалистического труда, преобразующего нашу родину, в наших знатных людях — мастерах этого труда, превращающих труд в искусство, в людях новой революционной энергии и мысли он видел ту основу новой, советской литературы, которая должна волей исторической судьбы стать первой в мире.

Это требование не могло быть представлено в литературе «заказными» произведениями, не могло быть исполнено с холодным сердцем, или абстрактно. Оно было связано с другим, значительным, решающим положением для советского литератора. «Современная действительность пред'являет к людям искусства требование,—говорил нам Горький,—может быть не очень «деликатное», но вполне законно обоснованное, — требование активного участия в борьбе, начатой всюду в мире вождем трудового народа, коммунизмом против капитализма — источника всемирного зла и горя», который, давно утратив свою творческую силу, все еще продолжает защищать свою циническую власть над сотнями миллионов людей.

Каждый писатель, не чувствующий своего кровного единения с делом строительства нового общества, не знакомый с жизнью советского народа, обрекал себя на узкое существование, лишал себя общения с массами, загнивал в собственном маленьком мирке ощущений, и никакие эстетические поиски и формалистические упражнения не спасали его от бесплодия и самоуничтожения.

Это не значило, что советская литература должна была избрать какие-то определенные формы и быть постоянной в своем однообразии. Горький создал Союз советских писателей, «чтобы профессиональное об'единение позволило понять им свою коллективную силу, определить с возможной ясностью разнообразие направлений ее творчества, ее целевые установки и гармонически соединить все цели в том единстве, которое руководит всею трудотворческой энергией страны».

2.

Горький обладал такой неисчерпаемой силой трудолюбия, что живи он сто лет, он все равно не уставал бы в своих мечтаниях, работах и начинаниях. Его инициатива была плодотворна и направлялась по самым разным линиям, закономерно и искательно. Он вызывал к жизни новое так же естественно, как Мичурин все новые и новые сорта ягод и фруктовых новинок.

В помощь молодым литераторам он создал журнал «Литературная учеба» и Институт для начинающих авторов. Он создал журнал для колхозников, «Историю гражданской войны», «Историю фабрик и заводов», «Историю городов», «Историю женщины», «Историю молодого человека девятнадцатого века» в серии романов лучших писателей Запада, журнал «За рубежом», журнал «Наши достижения».

По его инициативе зародилась и блестяще себя оправдала «Библиотека поэта». По мысли Горького она ставила своей целью познакомить молодежь с историей русской поэзии и дать начинающим поэтам материал для технической учебы.

Все эти издания вызвали огромное оживление среди литераторов и способствовали возникновению множества произведений, воспитывавших культуру письма, подымавших дисциплину писательской работы.

Кроме этого, Горький исправлял несправедливости, вмешивался в неправильный быт литераторов, вступал на старости лет в полемику с жаром молодого писателя. Он обожал знание и ученых. Он сам хотел знать все, а он знал много, очень много. Он хотел, чтобы все литераторы непрестанно учились, обогащали себя все новыми и новыми знаниями, так как век требовал высокой культурности и ответственности.

Он способствовал созданию Детиздата, который до сих пор существует, как огромное издательство, единственное в мире по своей специальности. Детям нужно дать книгу для всех возрастов, книгу умную, интересную, занимательную. «Место ребенку, наследнику всех великих работ человечества!». Он вызвал на эту работу для детей множество прозаиков и поэтов и постоянно следил за развитием детской литературы.

Наблюдая со всей строгостью за работой советских литераторов, он характеризовал эту работу, как отличную от «стариков», т. е. дореволюционных писателей, и видел это отличие в широте охвата действительности, чего у «стариков» не было.

Он отмечал, что писатели всех народов Советского Союза творят, как равные с равными. Еще до Октября он сам занимался изданием белорусских, латышских, татарских, армянских писателей, интересовался грузинскими и украинскими. Теперь он с жадностью всматривался в новые лица незнакомых ему писателей братских республик и с удовольствием отмечал рост этих литератур. Он лично приветствовал Сулеймана Стальского — Гомера XX века, вдохновенного певца Советского Дагестана.

Он отмечал с живостью возникновение советского исторического романа, не похожего на прежние исторические романы. Он замечал каждого нового, свежего, оригинального писателя, как бы далеко тот ни жил от столицы. И все же он строго говорил, что литература Союза Советов растет хорошо, но действительность величественна и прекрасна. Необходимо, чтобы литература достигла высот действительности. Вот в чем дело.

Для этого мы должны понимать труд, как творчество, для этого мы должны окунуться в ту народную массу, в ту жизнь, где выковывается новое бытие страны. Прошедший период, такой героический и неповторимый — живое тому доказательство. Великая Отечественная война, бессмертная борьба советского народа на фронте и в тылу показала все безмерное разнообразие подвигов боевых и трудовых. На полях сражений и у станков, где делалась победа, на заводах и фабриках, в колхозных полях, всюду советский человек представляет бесчисленные образцы того искусства труда, ратного и мирного, который обнажает все богатство его души, его духовной жизни, его высокой интеллектуальной энергии, большевистского упорства и революционной сознательности, которые войдут в произведения, в книги прозы и стихов, как вечные ценности советской литературы.

Горький сетовал, что в нашей литературе нет нового пейзажа страны, показывающего те изменения, что внесла новая, социалистическая жизнь. Это связано особо с областными литераторами, которым Горький уделял большое внимание. Следуя этому указанию, мы можем сказать, что на сегодня областные писатели, прозаики, поэты, живущие вне столицы, могут представить много ценного материала, и недавняя конференция этих писателей показала наличие талантливых и хороших произведений. С каждым днем растут наши надежды, что из глубины страны придут к нам новые молодые силы, обогащенные опытом неповторимых лет борьбы и победы.

Вместе с тем Горький грозно восставал против литераторов безграмотных и малокультурных. Поощряя всемерно начинающих писателей и охотно хваля каждое произведение, в котором есть что-то живое, он громил все поспешное, недоделанное, малограмотное. И почти личной обидой считал некультурность писателя. Но строго и справедливо критикуя, он восставал против «смертных приговоров» критики, выносимых тем или иным писателям за неудачные их произведения, восставал против возвеличивания и ниспровержения молодых авторов, не угодивших критике, он стоял против всякой кружковщины и мелкого, себялюбивого вождизма, против богемы с ее опустошающей душу распущенностью, против уязвления из личных выгод или мелкого самолюбия товарищей по профессии.

ОКОНЧАНИЕ СМ. НА 2 СТР.

Николай ТИХОНОВ

Горький и советская литература

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО СМ. НА 1 СТР.

Он требовал уважения к труду литератора со стороны других литераторов, требовал уничтожения «цеховщины» и стоял за высокое мастерство против упростителей.

«Литература—это искусство пластического изображения посредством слова», — говорил он. Долой словотворчество в кавычках, долой псевдонародный язык, засоряющий литературную речь. Он нападал на критику за то, что она недооценивает значения слова, как основного материала литературы.

С необычайной строгостью относясь к своим драматургическим произведениям, даже несправедливо снижая их значение из своей великой скромности, он давал жестокую оценку современным пьесам, и его мнение звучит и на сегодня, как не потерявшее своей силы. Он писал: творчество «большинства драматургов наших сводится к механическому, часто непродуманному и произвольному сочетанию фактов в рамках «заранее обдуманного намерения», при этом «классовая начинка» фактов взята поверхностно обдуманно и «намерение», плохо обдуманное намерение увечит факты и обнажает их, а к этому добавляется и грубая шаблонность характеристик людей по «классовому признаку»...

Силой, которая сообщает советской литературе новое содержание и обогащает ее и двигает вперед, является социалистический реализм.

М. Горький. Скульптор И. ШАДР.

«Социалистический реализм утверждает бытие, как деяние, как творчество, цель которого — непрерывное развитие ценнейших индивидуальных способностей человека... ради великого счастья жить на земле, которую он сообразно непрерывному росту его потребностей хочет обработать всю, как прекрасное жилище человечества, об'единенного в одну семью».

Советская литература за почти тридцать лет своего существования знает немало произведений, ставших широко известными и у нас и за границей, которые можно рассматривать с позиций самой строгой критики, как написанные приемами социалистического реализма. Такими, несомненно, являются хотя бы романы Шолохова, Алексея Толстого, Фадеева, Панферова, Федина, Леонова, Всеволода Иванова, Серафимовича, Гладкова, Эренбурга, Катаева и многих других. Влияние Горького сказалось и сказывается на творчестве современных авторов, так как никто из работающих ныне литераторов не может пройти мимо тех достижений искусства, какие внес в советскую да и в мировую литературу великий родоначальник повествований о маленьком, простом человеке, будущем хозяине и творце социалистической действительности.

Многих писателей прошлого, особенно ставивших моральные проблемы, называют гуманистами, и они ими и являются в старом понятии. Гуманизм, который принес Горький и который мы продолжаем развивать в своей литературной работе,— несколько или даже совсем особый, новый, советский гуманизм.

Горький дал нам его определение. «Гуманизм пролетариата требует неугасимой ненависти к мещанству, к власти капиталистов, его лакеев, паразитов, фашистов, палачей и предателей рабочего класса, ненависти ко всему, что заставляет страдать, ко всем, кто живет на страданиях сотен миллионов людей».

И Горький, так горячо воспевавший труд —источник всех радостей, говорил, что рука творца — свободного рабочего Советского Союза сожмется в кулак против того, кто посмеет остановить его творческую работу, и этот рабочий кулак раздробит все, что будет стоять на его пути.

Находясь долгими годами в буквальном смысле слова на страже авторитета и морального достоинства нашего великого строительства, Горький неустанно следил за ростом фашизма и непрерывно выступал против него с огненными словами. «За всю трагическую историю Европы — Красная Армия — действительно народная армия, созданная не для нападения, а для самозащиты». Приветствуя Красную Армию по случаю ее пятнадцатилетия, он воскликнул: «Горячий сердечный привет бойцам первой в истории человечества социалистической армии, которая будет бороться только за действительную справедливость, необходимую всему миру трудящихся».

Как скоро сбылись эти пророческие слова. Недаром, уже умирая, он говорил: будут войны... Надо готовиться... Не надо быть застигнутым врасплох...

И великий вождь советского народа повторил в исторические дни войны слова Горького: если враг не сдается—его уничтожают!

И эти слова сбылись, и Красная Армия, советский народ в дни страшного испытания не раз вспоминали Горького, и в окопах гостили его книги и путешествовали в вещевых мешках по всем фронтам, и всюду, где шли битвы, невидимо присутствовал его непреклонный, непобедимый дух борца, вдохновлявший бойцов на подвиги в защиту того прекрасного мира, где новое человечество жило свободной и творческой жизнью, добытой в той борьбе, в которой принимал участие и Горький—беззаветный друг трудящихся и вдохновитель борьбы за коммунизм!

Он, создавший образ матери-труженицы в своем славном романе, предвосхитил тот образ советской женщины-героини, которая покрыла себя бессмертием в эти героические годы.

И советский народ свято хранит память о своем великом сыне — великом писателе и борце, Максиме Горьком. Несет эту память в тайниках своего сердца, как самое сокровенное, потому что народ-борец, изведавший неслыханные муки в борьбе и вышедший из нее победителем, помнит, из каких народных глубин вышел Горький и какой путь борьбы за народ прошел всей своей долгой и трудной жизнью, неся с честью подвиг служения народу, служения его правде правдивым и свободным словом.

Горький навсегда останется примером для литераторов всех будущих поколений, как мастер, чье слово перешагнуло все рубежи и всюду проникло в человеческие сердца, согрев их горячим жаром вдохновения.

Враги народа хотели, чтобы Горький исчез с лица земли. Но сами враги исчезли, сметены с лица земли, а слово Горького, славу Горького, имя Горького, жизнь Горького ничто уничтожить не может.

Наш Горький вечен. Горький будет всегда с народом, всегда будет с тем будущим, о котором он мечтал и за которое боролся. И мы не раз повторим его золотые слова: радостно жить и бороться в стране, где великая мудрость партии и железная воля ее вождя Иосифа Сталина навсегда освобождают человека от проклятых навыков и предрассудков прошлого!

Вас. ГРОССМАН

ПАМЯТИ ПАВШИХ

Заметки писателя

Величайшая из войн повлекла великие жертвы, победа далась нам не даром; могла ли даром даться нам победа в этой невиданной по ожесточению борьбе.

В нашей сегодняшней жизни, в огромном труде победившего народа, в творчестве мира, в дыхании, в мысли существующих, в великих деяниях и стройках живут те, кто борьбой и смертью своей завоевал нашу независимость и свободу. Мы знаем — жизнь щедра и богата.

Мы знаем — на место павших пришли новые борцы и свершили победу. В бессмертии великого дела, в вечности жизни народа — утешительная мудрость, давно уж познанная людьми. Павшие живут в делах живых. Эта мудрость утешает нас... Но к чему утешаться мудростью! Мы достаточно сильны духом, чтобы не искать утешений в своей печали. Пусть печаль не ищет себе утешений, пусть она живет в нас.

Мне пришлось видеть развалины Сталинграда, разбитый зловещей силой немецкой авиации и артиллерии первенец пятилетки — Сталинградский тракторный завод. Я видел развалины и пепел Гомеля, Чернигова, Минска и Воронежа, взорванные копры донецких шахт, подорванные домны, разрушенный Крещатик, черный дым над Одессой, обращенную в прах Варшаву и развалины харьковских улиц. Я видел горящий Орел и разрушения Курска, видел взорванные памятники, музеи и заповедные здания, видел разоренную Ясную Поляну и испепеленную Вязьму.

И ныне встают из пепла десятки и сотни городов! Вновь воскрес и живет Сталинград и первенец пятилетки — Сталинградский тракторный завод. Облако живого, жаркого дыма встало над ожившими домнами, поднялись шахтные копры и ожили шахты. Торжественно выглядит Ясная Поляна, камень за камнем восстанавливаются разрушенные музеи и дворцы, древние церкви, знаменитые памятники искусства и труда. Тысячи деревень ожили, встали там, где немцы среди пепла растили чертополох и бурьян.

Кто усомнится в том, что все разрушенное будет вновь восстановлено? Кто усомнится в великой трудовой силе рабочего и крестьянина? А ведь казались непоправимо огромны разрушения и пожарища. Поистине беспредельны творческая мысль и трудовая сила великого народа: кирпич и гранит, стекло и булыжник, дубовые балки и доски, рельсы и глина, песок, цемент, медь, сталь, чугун, железо, покорные воле трудового человека, вновь возрождают наши города, заводы, мосты, дороги.

Поля шумят пшеницей. Ржавый металл идет на переплавку, вновь обретает молодость, блеск и звонкость, льется из возрожденных мартенов. Жизнь побеждает смерть.

Но почему и теперь, в пору победы жизни над смертью, вспоминается мне красноармеец, которого видел я под Ельцом в декабре 1941 года. Он лежал на молодом, только что выпавшем снежке, под молодой, тоненькой яблонькой, лежал маленький, как воробушек, и на мальчишеском лице его была лукавая и робкая улыбка. Он прижимал к груди котелок с замерзшей кашей, и невинные длинные ресницы, казалось, вот-вот поднимутся над глазами, такими эти ресницы были тонкими и длинными, такими шелковистыми и легкими.

◆

Заметки писателя

◆

Есть сила, могущая поднять из развалин вытянувшуюся на 57 километров вдоль Волги тяжелую громаду Сталинграда, есть сила, которая поднимает из пепла тысячу семьсот городов и семьдесят тысяч сел.

Но нет силы, которая могла бы чуть-чуть поднять эти легкие шелковые ресницы над сомкнувшимися глазами юноши в красноармейской шинели. Этим глазам не увидеть осенних желтых листьев и блеска ручья, и пивной пены в кружке, и ласкового взора матери, и лунного света, и звезд на небе, и свежего ржаного хлеба. Эти глаза закрылись навеки веков. Так не будем же утешать себя мудростью, мы, ведшие войну ради человека, святости человеческой жизни и человеческой свободы.

Нет ничего драгоценней на земле жизни человеческой, потеря ее безвозвратна. Потеря эта безвозвратна и невозместима. На место павшего становится живой. Винтовку из рук убитого подхватывает новый, пришедший на смену боец. Народ бессмертен, бессмертны дела его. Но невозместима утрата человека! Каждый человек вплетается нитью в ткань жизни. Выдернута, порвана нить, — это не значит, что нарушена, разорвана ткань. Но ткань жизни становится бедней, и как бы тонка, как бы хрупка и непрочна ни была эта нить, оборвавшись, исчезнув, она обедняет ткань. Новые вплетенные в ткань жизни нити уж никогда не заменят исчезнувшую — она единственная и неповторимая в своей пышности, в скромности своей, в прочности, тонине, хрупкости.

Вряд ли за всю историю человеческого рода были два человека, полностью похожих друг на друга. Нет ничего драгоценней человеческой жизни, потеря ее безвозвратна и невозместима.

И мы, писатели, поэты, журналисты, потерявшие в этой войне многих и многих наших товарищей, говорим — вечна жизненная ткань, и все же потери наши безвозвратны и невозместимы.

Уже никто никогда не напишет тех ясных, простых и честных слов, что должен был написать о войне Крымов, и тех слов, что должен был написать он о труде и людях труда. И никто не напишет милых сердцу взрослого и ребенка строк, что не дописал Гайдар, и вечно останутся белыми те страницы, что исписал бы своим бисерным почерком умный и тонкий Роскин, и никто не напишет те повести и рассказы, что должны были написать Лапин и Хацревин, Тарасов, Кудашев, Меньшиков, и той книги о величии труда, что задумал Василий Бобрышев, и романтических очерков Михаила Розенфельда. И никто не осуществит обширные, смелые планы Евгения Петрова, ту песню, которую задумал Алтаузен, и те исследования литературы, которые разрабатывали Гуриштейн и Серебрянский. Они останутся ненаписанными, эти десятки повестей и рассказов, статьи, исследования, очерки, поэмы, дневники. И все то честное, умное, правдивое, о чем думали эти люди, все, что тревожило, печалило, ужасало и радовало их, никогда уж не будет вплетено в жизненную ткань нашей литературы. И вечная ткань эта стала бедней, ибо такие потери невозместимы.

Больше семидесяти московских и ленинградских писателей погибли на фронте. Каждый из них по-своему понимал жизнь, видел ее, по-своему любил добро, каждый по-своему надеялся, мечтал о будущем, думал о старости, каждый из них имел свой неповторимый опыт, свои воспоминания о товарищах детства, о родных, о братьях и сестрах, о школе, каждый из них нес в себе драгоценный мир мыслей, воспоминаний о чудесных восходах солнца, о теплых лунных ночах, о плеске воды, о молодой зеленой ржи, о летних грозах и белых метелях.

Можем ли мы измерить тот чудесный, драгоценный мир, живущий в человеке? Ведь чудо всей вселенной живет в душе и разуме человека! Сколько солнц погасло, сколько миров погрузилось в вечную тьму!

На фронте приходилось слушать рассуждения о том, что война уничтожает ощущение ценности человеческой жизни, что там, где погибли миллионы, люди перестают верить в ценность жизни, перестают ощущать ее.

Среди больших и малых задач, стоящих перед литературой, есть одна поистине великая и вечная задача. Эта задача — утвердить человека в его простых и священных человеческих правах, в его праве жить на земле, мыслить и быть свободным. Вечная и главная задача литературы! Ей служили самые великие писатели нашей земли — Пушкин и Толстой. Право жить на земле, право мыслить и быть свободным, независимо от того, какого цвета кожа человека, какая кровь течет в его жилах, независимо от того, беден он, бос ли, в мозолях ли его руки. Раскрыть и измерить духовное богатство и величие человека, познать в человеке человека!

В 1935 году союз национал-социалистских юристов, после введения нюрнбергских законов о германском гражданстве и защите немецкой крови, предложил вычеркнуть из германского гражданского кодекса понятие «человек», заменив его другим понятием, ибо «понятие «человек» затушевывает и искажает различия между соплеменником, имперским гражданином, иностранцем, евреем и т. д.».

Великая Отечественная война велась за право человека. Фашизму не удалось вычеркнуть понятие «человек», не удалось утопить его в реках крови. Человек победил зверя.

Перед нами, советскими писателями, среди текущих задач и заданий стоит великая задача утверждения высшей ценности мира — человека. Те, кто пишут о войне и послевоенном времени, должны быть полны этим, — война шла за человека, те, кто пишут о войне и о наших сегодняшних днях, должны помнить — фашизм хотел уничтожить понятие и слово «человек». Наша победа утвердила право человека жить, мыслить и быть свободным.

Нам не нужна утешительная мудрость, когда мы вспоминаем наших друзей, наших товарищей, погибших на полях войны. Пусть печаль наша будет глубока, безутешна, вечна. Эта потеря безвозвратна и невозместима.

Пусть вечно живет в нас гордость победы человека в величайшей из войн истории, пусть вечна будет печаль о человеке, убитом на поле сражения. В безутешной печали по павшим — истинная вера в силу и святость человеческой жизни.

В Ленинграде, на проспекте Максима Горького

ЛЕНИНГРАД. **(От наш. корр.).** Торжественно открыта мемориальная доска на фасаде дома № 23 по Проспекту Максима Горького. В этом доме, в квартире № 5 Алексей Максимович жил в период мировой войны и первых лет революции. 18 июня к двенадцати часам у дома собрались писатели, ученые, художники, артисты, представители ленинградской общественности.

Митинг открывает А. Прокофьев. С доски снимается чехол. На белом мраморе сверкают золотые буквы: «В этом доме жил с 1914 по 1921 год Алексей Максимович Горький».

Взволнованную речь от имени советских писателей произносит В. Саянов. Проф. В. Десницкий напоминает о многих исторических встречах Горького с литераторами, учеными, революционными деятелями, происходивших в доме, где укреплена сейчас мраморная мемориальная доска, и о многих замыслах, идеях, возникавших здесь. С речами выступали также проф. С. Исаков от Союза советских художников и Всероссийской Академии художеств и проф. Окунев — от Ленинградского дома ученых имени Горького.

⁂

В Государственном академическом театре драмы имени Пушкина 18 июня состоялся общегородской торжественный вечер памяти Горького. В глубине сцены среди знамен, живых цветов —огромный портрет Алексея Максимовича, окаймленный траурными лентами. Места в президиуме занимают секретарь горкома ВКП(б) по пропаганде И. Широков, председатель Ленинградского отделения ССП А. Прокофьев, писатели, деятели науки, искусства, представители ленинградских организаций.

После вступительного слова В. Саянова доклад о творческом пути М. Горького сделал В. Десницкий. Воспоминаниями об Алексее Максимовиче поделились М. Слонимский и Ю. Герман. Рассказ, написанный под впечатлением первых встреч с Горьким, прочел Н. Никитин. В заключение был просмотрен новый спектакль Академического театра драмы им. Пушкина — пьеса Горького «Варвары».

Десятилетие со дня смерти М. Горького в Ленинграде было отмечено многочисленными вечерами в домах культуры, клубах и на предприятиях.

Горький на Первом Всесоюзном съезде советских писателей. Картина Л. ЗИЛЬБЕРШТЕЙНА (Музей им. Горького).

С. НИКОЛАЕВ

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА МАРИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

До Великой Октябрьской революции марийский народ не имел не только литературы, но и письменности. Зарождение марийской художественной литературы относится к поре гражданской войны. Сразу же после революции в периодической печати появляются стихи на марийском языке.

В 1919 году публикуются первые пьесы «Жизнь наизнанку» Беляева и Белкова, «Бууран» и «Сиротка» А. Конакова и др. Они носили характер инсценировок, иллюстрирующих семейно-бытовые отношения. Но вскоре в марийскую литературу пришел Яков Майоров (М. Шкетан), впоследствии ставший лучшим нашим драматургом. Его пьесы «Бешеный», «Весна победила» и «Сардай» до 1927 г. не сходили со сцены молодого марийского театра.

М. Шкетан работал и в прозе. Первый его рассказ «Грехи бога» (1923 год) реалистически изображал кулаков и служителей языческого культа в деревне. М. Шкетаном написано более 50 произведений. Его роман «Эренер» посвящен деревне периода нэпа. В образе главного героя Петра Эбаева показан коммунист—руководитель классовой борьбы. Роман издан в 1933 году и переведен на русский язык.

В повести Дмитрия Орая «Оляна» изображается участие марийской женщины в революции и гражданской войне; Я. Элексейн и И. Ломберский писали мелкие бытовые рассказы; роман Никандра Лекайн «Железная сила» рисует события империалистической, гражданской войны и Октябрьской революции.

Особенно заметен рост марийской литературы в период сталинских пятилеток. Появляются новые поэты: Н. Казаков, Макс Майн, И. Осмин, В. Рожкин, В. Чалай, А. Бикмурзин, горномарийцы — Н. Ильяков и К. Беляев. Они печатались в газетах и альманахах, издавали свои сборники.

Развивается в эти годы и проза. Н. Лекайн заканчивает вторую книгу романа «Железная сила», Орай издает книгу рассказов о колхозной жизни, Азмекей Мичурин — сборник рассказов «Патриоты» из жизни бойцов Красной Армии.

Растет и марийская драматургия. Пьесы С. Николаева «Воды текут» и «Новые плоды» вошли в репертуар марийского театра. Появляются новые драматурги: Н. Иванов, Г. Ефруш, И. Беляев, И. Устинов, чьи пьесы часто ставятся на сцене.

После организации марийского отделения Союза писателей и проведения первой республиканской конференции с осени 1939 года регулярно выходит в свет литературно-художественный альманах «Счастливая жизнь». Союз писателей проводит творческие совещания и дискуссии, обсуждает произведения молодых авторов.

Годы Великой Отечественной войны явились, несомненно, новым этапом в марийской художественной литературе. Такие произведения, как поэма Н. Казакова «Народам Европы», стихи Макс Майна «Кровь за кровь» и «Убей его», баллада Ф. Маслова «Яма» и многие другие, разжигали ненависть к немецким захватчикам, призывали народ к беспощадной борьбе с врагом. Иван Осмин свои стихи посвятил героическому трудовому тылу.

Писатели-участники войны создали первые прозаические произведения о войне. Н. Лекайн закончил роман «Великая война». К. Беляев опубликовал повесть «Огненная буря» — о партизанской войне на Украине.

Марийская литература складывалась под мощным влиянием русской литературы. Много сделано и для ознакомления марийского читателя с лучшими произведениями классических и современных русских писателей: Пушкина, Лермонтова, Чехова, Горького, Маяковского, А. Толстого, Фадеева, Шолохова, Исаковского.

За годы советской власти издано около трех тысяч названий книг и брошюр (только во время войны опубликовано 760 названий, общим тиражом в два с половиной миллиона экземпляров), вышло двадцать литературно-художественных альманахов на мари-луговом и горном языках, более двадцати сборников стихов марийских поэтов.

Знаменательным фактом является перевод произведений марийских писателей на русский язык. Лучшие образцы марийской литературы напечатаны в сборниках «Марийские писатели», «Салам», «Вперед за родину» и в русском альманахе.

Вместе с марийскими прозаиками и поэтами работают местные русские прозаики и поэты: Н. Бирюков, Ю. Петров, А. Кашников, Н. Устинов и другие.

За четверть века марийская литература имеет известные успехи, но она еще молода и впереди большой труд. В четвертой сталинской пятилетке марийский народ ждет от писателей книг живых, ярких.

г. Йошкар-Ола.

Участники Отечественной войны вступают в Союз писателей

МИНСК. **(От наш. корр.).** В ряды Союза советских писателей Белоруссии вступают молодые писатели, участники боев с немецкими оккупантами. Недавно приняты в союз прозаики И. Мележ и И. Грамович, поэт А. Зарыцкий, автор книги стихов «Днепровское эхо», М. Гамолка, П. Прыходзька, А. Вямогин, Р. Няхай.

Мих. ЗЕНКЕВИЧ

ПЕВЕЦ УКРАИНСКОГО НАРОДА

Первая книга стихов Ивана Франко «Вершины и низины», вышедшая в 1887 г. во Львове, открывалась вместо пролога гимном:

Вечный революционер—
Дух, наука, мысль, свобода,
Он не прекратит похода,—
Неуклонности пример.

Эти стихи, написанные еще в 1880 г., могли бы служить девизом, эпиграфом ко всему многостороннему творчеству Ивана Франко. Воодушевленный вечным революционным духом науки, мысли и свободы, Иван Франко и в своей жизни и в своем творчестве показал пример неуклонного служения народу. Франко был не только поэтом, но и прозаиком, автором повестей и рассказов, драматургом, историком и теоретиком литературы, фольклористом, переводчиком, публицистом, общественным деятелем.

Вся эта разносторонняя деятельность сливается в одно монолитное целое, как части одного здания, — их трудно рассматривать по отдельности. Вышедший на русском языке первый том собрания сочинений Ивана Франко показывает нам его только как поэта. Но при разборе поэзии Ивана Франко нельзя забывать, что даже в избранном собрании его сочинений стихи составляют только одну пятую целого, что за ними должны последовать три тома повестей и рассказов, том драматургии и критики.

Литературную деятельность Иван Франко начал в 80-х гг., в глухое время общеевропейской реакции. Он жил в Галиции, входившей тогда в состав лоскутной австро-венгерской монархии. Сын деревенского кузнеца, он был подлинным сыном трудового народа и мог с полным правом говорить о себе:

Какой я декадент? Я сын народа,
Который рвется к солнцу из берлог.
Мой лозунг: труд, и счастье, и свобода,
Я сам—мужик, пролог, не эпилог.

Иван Франко был широко образованным человеком, он окончил венский университет и должен был стать профессором украинской литературы во львовском университете, чему воспрепятствовала австрийская администрация. Кроме родного украинского и русского языков, Франко владел польским, немецким, но корни его творчества питала народная украинская стихия и передовая революционно-демократическая мысль братского русского народа. Кроме выученного наизусть еще на школьной парте «Кобзаря» Шевченко, любимым поэтом Франко стал Некрасов. Отзвуки Шевченко и Некрасова явно слышатся в ранних стихах Франко. Он не только читал, но и переводил «Что делать?» Чернышевского, «Капитал» Маркса. Все это дало широкий кругозор и размах творчеству Франко. Революционная, пламенная мысль помогла молодому Франко взлететь высоко над стоячим болотом провинциального мещанства и увидеть в будущем то, о чем грезили лучшие умы человечества.

О, среднеевропейское болото,
Подернутое плесенью густой,
Рассадник безнадежного застоя
И тупоумия! Ты—символ гнета...
Живьем здесь погибает мысль живая
Или бежит отсюда без оглядки!

Так писал Франко об окружавшем его реакционном мещанстве. А в одном из сонетов он еще более открыто выступал против австро-венгерской монархии:

Тюрьма народов! Обручем из стали
Сковала ты жилье их суставы.

«Господский наряд» интеллигента не мог отдалить Франко от простого народа. Побывав в родном селе, он еще резче ощутил тяжесть народного горя:

Прощай, село мое!
Так тяжело, что легче бы поднять
Мне гору. Я хожу—и плачу над тобою.

В «Галицийских картинках» Франко дал много потрясающих зарисовок крестьянской нищеты и горя, написанных «по-некрасовски» — с большой горечью и болью. В цикле стихов «По селам» Франко описывает галицийские села, которые «разлетались, как нищие под тыном, и, как калеки, ждут себе замены».

Незаметно и трубы на крыше:
Утром дым всю хату заполняет.
Из-под стрех валит, клубится ниже,
Ест глаза и слезы выжимает.
Спит хозяин на досках необитых,
На соломе, под мешком дорожным;
Печь—для ребятишек неукрытых,
А большим постели и невужно.

В цикле «В Бразилию» Франко описывает мытарства переселенцев, обманом запроданных для самой жестокой эксплоатации на южно-американские плантации:

Ой, расплакалось ты, русское горе,
Вдоль по Европе, далече за море!

В «Думах на меже», описывая, как сцепились из-за клочка земли Гриць и Степан, Франко думает о том времени, когда межи исчезнут:

Безмежные видел я в мыслях поля,
Трудом обновленная общим, земля
Кормила народ мой свободный, счастливый.

Эта дума об общем крестьянском труде проходит неоднократно в стихах Франко.

Полный нежного участия ко всем угнетенным и страдающим, Франко с ненавистью относился к угнетателям и хищникам, к тем, «кто слабейших братьев губит». Они не уйдут от пули, как хищный беркут, когда пора наступит:

А трут мы отпихнем, не говоря ни слова,
И дале мы пойдем спокойно и сурово,

Горячая любовь Франко к родному народу чужда какого-либо налета шовинизма. Истинная любовь к родине для него не может быть враждебна «высокой любви ко всем, кто льет свой пот и кровь, в оковах мучимый жестоко». Он приветствует видение «грядущей эпохи могучей, которая мир, как весна, обновит» и предвидит освобождение всего украинского народа:

Но час придет, в багровом ореоле,
В кругу народов больных, за Карпаты
И к Черноморью ринут новой волны
И радости ты дождешь раскаты,
И все обвяи хозяйскою управой,
Полями залюбуешься и хатой.

Мечты Ивана Франко, осуществились в наши дни.

Поэзия для Ивана Франко, так же, как и для Некрасова, прежде всего была гражданским долгом, служением народу. Поэта он сравнивал с «каменоломами, которые с молотами в руках дробят скалу, готовя путь открытый»; «Я древоруб. Дорогу правде расчищаю смело»; «Я простой работник твердорукий»; «Песня — работница, и в мире свой неустанный труд вершит», — говорил Франко. В послании к молодому эстетствующему поэту Франко дает в шутливой форме такие серьезные советы:

Бей беспощадно, как заразу,
Котурны, фальшь, пустую фразу,
Не думай, милый мой философ,
От бурь общественных вопросов
Уйдя и спрятавшись в заливе
Своей мечты, зажить счастливей!
Поэт к чужой судьбе пристрастен,
Он с целым миром делит горе.

Франко вовсе не был безразличен к вопросам поэтической формы. Он старался связать украинскую поэзию с мировой и прививал ей классические формы. Среди его стихов много сонетов, терцин, есть даже триолеты. Франко глубоко чувствовал красоту, как показывает его сонет «Сикстинская мадонна».

В богах и духах можно сомневаться,
И сказкой могут рай и ад казаться,
Твоя ж краса—не в сказке, не во сне.
Настанет час, когда весь свет покинет
Богов и духов лишь тебя, богиня,
Чтить будут вечно—здесь, на полотне.

Поэзия Франко — мужественная, волевая, суровая; мысль преобладает в ней над чувством, но эта мысль — не сухая, бесстрастная, а пламенная — не о своей судьбе, а о судьбе всего народа, всего человечества. Отдаться только личному чувству Франко считал слабостью:

Господский спорт... Копайтесь, белоручки,
В своих сердцах...
Еще туман моих дней не застит—
Не дай забыться хоть на миг единый
Мечтой о собственном презренном счастье.

Сборник своих любовных лирических стихотворений «Увядшие листья» в 1897 г. Франко издал, прибегнув, как он сам потом раз'яснил, к «литературной фикции», выдав их за переложенные в стихи отрывки из дневника своего знакомого, покончившего с собой из-за несчастной любви. В этих стихах Франко показал себя сильным и страстным лирическим поэтом. Немало глубоко впечатляющих лирических стихотворений находим мы и в последнем его сборнике «Semper tiro». В этом сборнике особенно интересна лирическая перекличка со «Словом о полку Игореве», такие стихи, как «Полночный крик звучит среди степных раздолий», «Вышла в поле русских сила», «Где не лились вы в нашей бывальщине», «Как голова болит».

Франко, по его признанию, любил «блуждать по перепутьям всемирной истории и литературы и собирать отдельные камешки, пригодные для его здания». Многие его стихи, как, например, притчи и легенды в сборнике «Мой измарагд», навеяны старыми литературными памятниками. Однако Франко был прав, когда говорил, что на чужую основу он накладывал свои собственные узоры. Это не стилизация под старину, а живая передача того, что осталось живым в старинных легендах. В отвердевшую классическую форму сонета и терцин Франко смело вливал новое революционное содержание. Он и в сонетах не менял «своего каменоломного молота на резец Петрарки и рушил им темный гнет царей и панства». Каменным громом ударов до сих пор отдаются в душах его «Тюремные сонеты», написанные им в австрийской тюрьме.

В библейскую тему Каина, которую в своей знаменитой мистерии развил Байрон, Франко вложил иное содержание. В его поэме Каин хочет взамен небесного рая указать «людям светлую дорогу к правде, открытую в веках его страданьем, научить людей любить друг друга и оставить раздоры, обиды, убийства». Поэма «Каин» навлекла в свое время на Франко проклятия духовенства с амвонов церквей.

Историческая поэма «Иван Вишенский», о котором Франко написал большую научную монографию, вся пронизана идеей, что служение своему народу выше аскетического монашеского затворничества. Другая историческая поэма «На Святогорском горе» — о приеме Богданом Хмельницким посольства польского короля — тоже была написана на актуальную тему борьбы западных украинцев с польскими панами.

Особое место в торчестве Франко занимает поэма «Моисей». Библейский Моисей в изображении Франко не столько религиозный деятель, пророк, сколько духовный вождь угнетенного народа, приведший его через пустыни в обетованную землю. В суровой, эпически написанной поэме много скрытого лиризма.

Франко далеко опередил окружавшую его ограниченную провинциальную среду широтой взглядов, и ему не раз приходилось испытывать преследования и нападки. Об этом он с горечью говорил в своих стихах: «Ох, тяжело ярмо родного края и иноша не легка!»

В прологе к «Моисею», предсказывая об'единение и освобождение всего украинского народа, Франко, так же, как и Шевченко в «Заповеди», скромно просил потомков вспомнить о себе:

Прими ж мой стих, хоть и больной отравой,
Но полный веры, пусть он и не ярок.
Прими в залог своей грядущей славы
Его—как скромный праздничный подарок.

Теперь это предсказание Франко исполнилось, его поэзия, так же, как и поэзия его учителя Тараса Шевченко, прочно вошла в классическую сокровищницу украинской литературы. Конечно, время наложило отпечаток на творчество Франко, и многое прежде злободневное представляет для современного читателя больше исторический, чем поэтический интерес, но страстный революционный пафос Франко всегда будет дорог читателям.

Над переводами избранных стихотворений Ивана Франко потрудились 52 советских поэта. Среди переводчиков встречаем имена Анны Ахматовой, Б. Пастернака, М. Исаковского, А. Твардовского, А. Суркова, М. Голодного, А. Прокофьева и многих других, перечисление которых зачило бы слишком много места. Их коллективный труд увенчался успехом, хотя кое-какие переводы вышли (как это часто бывает при переводе с украинского) бледней оригинала. Особенно оставляет желать лучшего тяжелый по оборотам и стиху перевод «Моисея», сделанный П. Дятловым, за исключением пролога, хорошо переведенного Б. Пастернаком.

Иван Франко. Избранные сочинения. Т. I. Стихотворения и поэмы. Гослитиздат. М. 1945.

По поводу одной полемики

Презирать критику значит презирать публику (чего боже сохрани). А. С. Пушкин.

В последнее время наши литературно-художественные журналы не очень баловали читателя статьями оригинальными и острыми. И вдруг «Октябрь» решил нарушить спокойное течение литературной жизни: в пятой книге журнала опубликована статья его редактора Ф. Панферова «О черепках и черепушках», претендующая на программный характер. Но, увы, так уж повелось издавна: не везет т. Панферову, и хоть тщится он стать учителем и наставником литераторов, а получается конфуз.

Со всем своим солидным весом ответственного редактора крупного литературно-художественного журнала Ф. Панферов поднялся на трибуну для того, чтобы с ее высоты поучать истине советских литераторов. «Художественная правда», «Как писать о героях», «Язык — зеркало души» —уже самые разделы статьи, как и весь ее тон, выдают учительские намерения автора.

Особенно охотно и ретиво Ф. Панферов поучает литераторов тому, что такое хороший, правильный язык художественной литературы. «Надо, наконец, понять, — пишет он, — что язык соответствует уровню развития человека — его культурному росту, его положению, его профессии, его, наконец, характеру».

Бесспорно, что язык соответствует культурному уровню и характеру человека. Но далеко не всегда соответствует язык положению человека и его профессии. Например, редактор и писатель по положению и профессии, свыше двух десятков лет работающий в литературе, Ф. Панферов не знает основ русской речи, вплоть до элементарных правил грамматики. Ф. Панферову, например, ничего не стоит сказать, что «люди выходили друг за друга по любви». Общеизвестно, что девушки выходили и выходят замуж. Но можно ли на этом основании сказать, что и молодые люди выходят за девушек?

Обороты речи, употребляемые Панферовым, способны вызвать даже некоторое остолбенение. Вот как разговаривает он с неугодившим ему критиком:

«А не превратились ли вы в ту даму (ожиревшую от безделья), которая любит почитывать книжки так же, как посасывать леденец. Завалилась на диван, почитала романчик, затем пососала леденец: не поумнела и не поглупела... того и ждала. Да нет, вы как будто не из тех — дамских. Вы... чорт те что».

«Вы не из тех дам», — повидимому, хотел сказать наш полемист своему литературному противнику. Но, — для пущего уязвления и сарказма, — сказал: «Вы не из тех дамских». Это все равно, что сказать, к примеру, вместо «вы не из тех детей» — «вы не из тех детских», «вы не из тех учителей»—«вы не из тех учительских» и т. д.

Что же касается оборота: «Вы чорт те что», — то и это выражение вряд ли способно вызвать у советского читателя восхищение культурностью писателя, знанием приличий, бережливым отношением к собственному достоинству и достоинству советской печати. Ведь после этого, как говорится, полемического приема Ф. Панферову остается только бросаться не «черепками» и «черепушками», в каковом занятии он обвиняет других, а просто уж камнями и камушками!

Ф. Панферов рекомендует литераторам не слушаться тех, кто изучил такие труды, как учебник Сиповского, и с их позиций поучают писателей. Однако было бы полезно редактору журнала «Октябрь» не поучать писателей, а учиться самому. Может быть, тогда он перестал бы «бросаться» словами, не вдумываясь в их значение. «Снимать классиков», — пишет, например, наш разоблачитель учебников, пытаясь снять с себя обвинение в пренебрежении к классическому наследству, — «это... тупая глупость». Напрасно он думает, что глупость может быть острой!

При всей безграмотности и даже дикости своего «литературного» языка Ф. Панферов яростно борется с редакторами и критиками, стремящимися, как он выражается, «установить гладенький язычок».

Но мы имеем все основания опасаться, что под ненавистным ему «гладеньким язычком» наш «учебникоборец» подразумевает просто грамотный русский язык, которому он не хочет учиться, несмотря на то, что когда-то ему указал на необходимость овладения русским языком не кто иной, как А. М. Горький.

Статья Ф. Панферова неграмотна не только в прямом, элементарном смысле. Она неграмотна в самом своем существе, неграмотна всячески: литературно, эмоционально и, к сожалению, политически. Свыше двух десятков лет проработав в литературе, Ф. Панферов не считает нужным знать историю мировой литературы, и поэтому он бодро сообщает: «еще Флобер сказал, что если мопса нарисовать таким, как он есть в жизни, то мир обогатится одним мопсом, а искусство ничем». Эта мысль, действительно, была высказана, но не Флобером, а Гете. Что Флобер, что Гете — Ф. Панферову все равно, — только не приставайте к нему с учебниками, а то он бросит в вас каким-нибудь булыжником или булыжничком и обзовет при этом «черепком» или «черепушкой». Мир при этом «обогатится» полемическим рычанием, а искусство — ничем.

Однако читатель, не ознакомившийся с рассматриваемой нами статьей, вправе спросить нас: что же такое, наконец, представляют собой эти самые таинственные «черепки» и «черепушки».

Предоставим слово самому автору. Вот как образуются «черепки»:

«...вода, проникая через почву, забирает из нее некоторые соли и осаждает их на определенной глубине, образуя таким порядком корку — черепок. Корни дуба, использовав все питательные вещества над черепком, не в силах проникнуть через черепок вглубь, перестают питать дерево, и дерево начинает сохнуть». Бывает, что от «черепков» даже целая «дубовая роща — зеленая, веселая, тенистая и вдруг начинает сохнуть». Жалостная эта картина возникает в результате зловредности «черепков».

Нечто подобное, — раз'ясняет нам автор смысл своей аллегории, — происходит и в литературе, когда между писателем и его питательной средой — «народом, жизнью, партией — залегает черепок».

Ф. Панферов очень много пишет о «черепках», возмущается их злокозненностью, гневно разоблачает каких-то редакторов, критиков, называя их «черепками». Послушаешь его: повсюду сплошь залезли у нас «черепки»! Однако никого из ненавистных ему «черепков» он не называет по имени, ни одной статьи не цитирует, никаких фактов не сообщает. Анонимная самокритика — это такая же пародия на самокритику, как и вся статья Ф. Панферова— пародия на литературную полемику. Впрочем, он делает одно исключение из этого своего не слишком мужественного правила: он цитирует статью тов. А. Эрлиха о романе Аркадия Первенцева «Огненная земля», напечатанную на страницах «Литературной газеты». А. Эрлих является для Ф. Панферова средоточием всех отрицательных явлений в жизни нашего искусства.

Статью А. Эрлиха Ф. Панферов считает наиболее типичным примером зловредности «черепков». И именно этот пример с головой выдает нашего грозного разоблачителя, об'ясняет истинный «пафос» всей его статьи, который можно свести к весьма простой формуле: не тронь наших!

В передовой статье «Большевика» (№ 9) указывалось, что наша научная и художественная критика «не должна приспособляться к тем или иным личным, групповым, либо узко ведомственным интересам». К крайнему прискорбию, только групповым «пафосом» можно об'яснить все существо и весь тон злобной «полемики» Ф. Панферова с А. Эрлихом.

Элементарные соображения приличия не позволяют нам «процитировать» грубую брань Ф. Панферова по адресу тов. А. Эрлиха, советского литератора и коммуниста.

Ф. Панферов доходит в своем гневе до обвинения А. Эрлиха в том, что последнему «за пятьдесят лет», и предрекает — Эрлих умрет. Все мы, конечно, смертны. Когда-то говорили, что зато глупость бессмертна. Хочется надеяться, что это не так.

Истощив запас своей полемической ярости бранью по поводу личности А. Эрлиха, Ф. Панферов не дал нам никакого представления о том, чем же, собственно, вызывает в нем негодование его противник, как **литератор?** Чем плоха статья о романе Аркадия Первенцева, с какими положениями этой статьи Ф. Панферов не согласен,— все это остается тайной.

Но, может быть, в чем-то другом, исключая разговор о языке и состоянии современной критики, Панферов ушел вперед? Может быть, его суждения о современности и насущных задачах литературы отмечены зрелостью мысли?

Нет, рассуждения автора статьи о современном этапе жизни и о литературе подчас легкомысленны, а подчас и просто невежественны.

Поистине завидное постоянство обнаруживает Панферов, повторяя, как и пятнадцать лет назад, что «надо жизнь прощупать собственными руками», а голова, дескать, здесь не при чем, «ведь только быки подойдут к стогу сена и давай его лбами бодать». Оставив на совести автора это сравнение, мы должны будем отметить то истинно бычье упорство, с которым повторяет Панферов свое старое заблуждение о разрыве теории и практики. Теория для Панферова—нечто отвлеченное, туманное. Ему и невдомек, что философия марксизма-ленинизма по-новому решает вопрос о соотношении теории и практики, что передовая наша теория непрерывно обогащается практическим опытом борьбы за коммунизм, освещает пути этой борьбы, является реальной силой, помогающей побеждать. Зачем все это Панферову? Он за почвенность, за эмпиризм, эмпиризм-де, опасен для философа, для политика, а вот для писателя он — родная стихия.

Отрицая значение теории, Панферов наносит урон литературе, задача которой состоит в том, чтобы «служить уже совершающемуся в нашей стране великому делу духовного обновления людей, их очищения от всей грязи старого общества, формированию их коммунистического сознания и коммунистического образа поведения» («Большевик»).

И куда ведет панферовская пропаганда эмпиризма? Панферов повествует о своем участии в войне и о том, как пришлось ему вопрошать генералов — «какие силы двигали вашу армию и с кем в истории можно вас сравнить?». Этот вопрос застал их врасплох. «Генералы задумались», — пишет Панферов. Оказывается, воевать-то они воевали, а думать и не думали. Возведя напраслину на наших генералов, Панферов пытается сам ответить на вопрос — в чем источники нашей победы и как изображать героя современности.

В главе под обязывающим названием «Как писать о героях» он касается этой темы. Увы, кроме нескольких общих фраз о том, что герой не должен быть «фотографичен», что в литературе недопустима нивелировка, все содержание этой главы сведено к агитации за то, чтобы рисовать врага человеком умным, хитрым и стойким. Так разговор о герое переходит... в разговор о враге, как о «живом человеке». Неужто в этом сейчас главная цель нашей литературы и неужто она была так беспомощна, как это кажется Панферову, в изображении врага. Необходимо ему напомнить, что наша советская литература неотступно выполняла свою роль антифашистского трибуна, разоблачая античеловечность собственнического мира, показывая омерзительное лицо фашизма.

В докладах и выступлениях товарища Сталина дана исчерпывающая характеристика подвига, свершенного советским народом, блестящий анализ всемирно-исторического значения великой победы над фашизмом.

Панферову представляется, что «наша армия, еще не обученная современному военному искусству», была бессильной и бездеятельной, — словно и не совершались ею операции, похоронившие еще на первом этапе войны фашистскую теорию «блицкрига», а потом «при страшном ударе врага, при упорном нажиме с его стороны» наша армия «обучилась, стала первоклассной армией в мире и нанесла врагу такой сокрушительный удар, что враг пал на колени».

Не об'яснив, как накапливались силы Красной Армии, Ф. Панферов утверждает, будто мы стоим перед загадкой, перед сфинксом величия победы, что это-де только «черепкам» и «черепушкам» все представляется ясным и определенным.

Горький писал: «Писатель обязан все знать — весь поток жизни и все мелкие струи потока, все противоречия действительности: ее драмы и комедии, ее героизм и пошлость, ложь и правду». Горький наставлял советских писателей познавать в движении жизни неуклонное торжество нового, он укреплял в литературе чувство героического, чувство веры в будущее.

Как же решает вопрос о художественной правде Ф. Панферов? Он пишет: «социализм в быту» находится в смертельной борьбе с остатками прошлого—«вонючего, грязненького, как болотная тина, и цепкого, как репей». И вот это «грязненькое, вонючее и липкое, словно лишай», «кидается на это ведущее». Это, по Панферову, и есть правда жизни, правда художественная. Потому-то и «трещат плечи» от такой правды.

Художественная правда, защищаемая Панферовым, иная, чем горьковская, чем та, которая питает собою развитие советской литературы. Это правда бескрылая и не героическая.

Статья Панферова дошла до читателей в канун горьковских дней, когда каждый советский человек по-особому остро почувствовал живую силу слова Горького, зовущего «вперед и выше», утверждающего бесценность всего завоеванного социалистической революцией. Тем неприятнее было обнаружить, что статья Ф. Панферова по своему содержанию, стилю и тону, по нравам, которые она утверждает в литературе, противоречит заветам Горького.

А. ЛУКИН

ЛЮДИ БОЛЬШОГО СЕРДЦА

Составители этой книги пишут в кратком предисловии: «Под пулями не лгут. Под разрывами снарядов не думают о том, какими словами и в какой форме выразить свои мысли. Вот почему в этих беглых записях... советский молодой человек, воин и труженик, человек, сражавшийся за Родину и победивший сильнейшего врага, предстает перед нами во всей своей духовной силе и красоте».

Дневники и письма, вошедшие в книгу, писались бойцами и офицерами Красной Армии в госпиталях и медсанбатах, в глубоких подземных сооружениях и под открытым небом, в далеком тылу и на передовой линии фронта: перед атакой или в короткие передышки между боями. В них выразились сокровенные думы и чувства советского молодого человека: страстная любовь к родине, его воинская доблесть, его характер, ясный и правдивый, его острый, прозорливый ум, неутомимая любовь к труду, трогательная сердечность, изумительное великодушие, непреклонность и настойчивость, мужество и выносливость.

«Год назад, — писал в 1942 году старший лейтенант Баубека Булкишев, погибший в 1944 году в Восточной Пруссии,—я был юношей. Я мечтал об учебе, о работе и— что греха таить—о славе. Я мечтал о многих профессиях. Мне хотелось быть поэтом,—я с упоением читал Пушкина и Лермонтова, Гете и Гейне, Байрона и Шелли. Они мне нравились, и я читал их днями и ночами. Мне хотелось быть музыкантом, и я с восхищением слушал Чайковского и Глинку, Бетховена и Шопена. Я был жадным человеком, и мне хотелось стать и поэтом и композитором одновременно. Я видел своих старших братьев, которые вышли из институтов инженерами и врачами, педагогами и историками, и мне хотелось овладеть также и этими специальностями».

Живя большими человеческими мечтами, разносторонними и многогранными общественными интересами, наша молодежь умеет глубоко и тонко понимать искусство, чувствовать красоту природы. В дневнике сержанта Николая Бутенко это чувство выражено с большой проникновенностью: «Никогда не забуду того сладостного чувства покоя, радостного удовлетворения собой и жизнью, которое охватило меня после боя. Накинув шинель на плечи, вышел я из палатки. Большой мир лежал передо мной. Он был особенно прекрасен сейчас, тихой ночью, когда ярко плавились звезды, мягким голубоватым светом сиял тонкий, хрупкий серп луны, а в лицо мне дышал ароматом влажной земли вечер. Я стоял, жадно вдыхая свежий воздух, а на душе у меня было светло и хорошо...

Жизнь с мелкими и скучными делами, тревогами, волнениями, заботами и всякими пустяками повседневности есть и на войне. Но в жизни всякого человека, и особенно воина, часто бывают такие минуты, когда все это отступает на задний план, когда душа, очищаясь, становится широкой и свободной, открытой для великих чувств. В такие минуты хочется сделать что-то большое и хорошее для людей—братьев по крови и труду. В такие минуты чувствуешь, как сладко и радостно бьется твое сердце в такт с сердцами миллионов».

Так хорошо и своеобразно чувствуют природу люди большого и мужественного сердца. И бесконечно счастлив и талантлив должен быть тот народ, из среды которого выходят такие неповторимо оригинальные и богато одаренные натуры. Вот почему книга «Жизнь солдата» завоевала широкие круги нашего читателя.

«Жизнь солдата». Изд-во «Молодая гвардия». 1946. Стр. 255, цена 5 руб.

Книги о путешествиях

Государственное географическое издательство в Москве готовит к изданию серию книг знаменитых русских путешественников:

П. П. Семенов-Тяньшаньский «Путешествие в Тянь-шань» (1856—1857 гг.), Н. М. Пржевальский «Монголия и страна тангутов» (описание путешествия в Монголию и северный Тибет в 70-х годах прошлого века), П. К. Козлов «Монголия и Кам» (путешествие по Монголии и северо-восточному Тибету в 1899—1901 гг.) и др.

В серии «Русские путешественники» выйдет книга Л. Г. Каманина «Первые исследователи Дальнего Востока».

К. ЗЕЛИНСКИЙ

Роман о казахской степи

Перед нами две новые книги: том избранных сочинений Абая Кунанбаева на русском языке (Гослитиздат) и роман Мухтара Ауэзова — «Абай» («Советский писатель»). Появление капитально изданного тома сочинений казахского классика прошлого столетия в переводе на русский язык, увлечение его личностью у современных казахских писателей не случайны. Абай был не только глубоким поэтом-мыслителем и просветителем. Всей деятельностью своей он обозначил поворот казахской литературы от книжного мусульманского Востока в сторону России и передовой русской культуры.

Перед нами пока первый том романа Ауэзова, показывающий юность Абая. Это исторический и психологический роман о степи, в некотором смысле, быть может, единственный в мировой литературе роман о родовом строе кочевников, написанный человеком, принадлежавшим когда-то к одному из таких степных родов, а ныне ставшим советским писателем и действительным членом Академии наук Казахской ССР.

Тринадцатилетний Абай после нескольких лет прилежных занятий в семипалатинском медрессе возвращается в родной аул по требованию отца — властного одноглазого «князя степи» Кунанбая. Юноша с наслаждением вдыхает вольный ветер степей. Он уже слышит лай собак, блеяньe овец и ягнят, окрики пастухов, запах кизяка, подымающийся над мирным аулом. Так начинается талантливый роман Ауэзова. Отец призвал своего сына для участия в сложных и хитроумных спорах, которые он ведет с соседними родами из-за пастбищ. Ведь хорошее джайляу, или зимовка, — это новый скот. А новый скот — это богатство, власть.

Уже первое появление мальчика Абая на совещании родовых старейшин в отцовской юрте вовлекает его в атмосферу жестокой борьбы, показывает ему противоречия между бедняками и богатыми скотовладельцами. Душе Абая претит всякая несправедливость, ложь. Ему по-человечески ближе жизнь простого народа. И выражая пока молчаливо свой протест, Абай уходит в лагерь матери и бабушки, живущих отдельным аулом. Вместе с чувством добра в нем просыпается чувство красоты, поэзии, природы и любви.

Сюжет романа движется не только повествованием о душевной жизни Абая, но и рассказами и сценами, рисующими кочевую жизнь. После одного открыто разбойничьего нападения людей Кунанбая на аул соседнего племени старику приходится ехать в город Каркаралинск. Ауэзов хорошо показывает, как всесильный в степи Кунанбай становится пешкой в руках уездной царской администрации. В распрях, подкупах, пиршествах, бедствиях проходят годы. Абая женят на дочери степного феодала Алшинбая—Дильде. Вся сцена сватовства, свадьбы, первой встречи никогда не видевших друг друга «мужа» и «жены» в свадебной юрте живописно и психологически тонко изображена автором. Вот и сам Кунанбай под старость берет себе новую жену, хорошенькую Нурганым. Но годы льются, как песок сквозь пальцы. Что создал Кунанбай? Ничего! И сын его Абай собирается снова в Семипалатинск учиться, искать выхода из тесноты, казалось бы, вольной степи. Так кончается первая книга романа.

Ауэзов не прикрашивает степной быт, в романе показаны его уродливости и жестокие противоречия. Но поставленная автором задача вскрыть поэзию степной жизни невольно приводит его к своеобразной «кочевой романтике». Ауэзов хорошо показывает душевное богатство народа, сумевшего в недрах родового строя и «кочевого феодализма» воспитать в своих людях такие качества воли, ума, сердца, которые, сохраненные в его преданиях и фольклоре, и сегодня могут послужить примером воспитания.

Однако роман Ауэзова оставляет известную неудовлетворенность отсутствием в нем общеисторического взгляда на пути развития казахского народа. А ведь автор имел право выйти за рамки мироощущения своих героев. Ведь в те времена, в середине прошлого столетия, казахский народ переживал не только эпоху тяжелого феодального и колониального порабощения, но и важный процесс приобщения его к общерусской жизни. Читатель, например, узнает из романа, что в казахском быту того времени было много предметов домашнего обихода, которые могли появиться в степи только в результате связей казахов с русским городом, людьми. Первая часть романа Ауэзова не дает ответа на вопрос о взаимосвязи казахского и русского народов, и это мы считаем его из'яном.

Более того. Мы думаем, что этот вопрос является центральным для исторической романистики, которая сейчас возникает во многих литературах народов СССР. Нельзя сегодня правильно представить себе ход исторического развития народов и племен СССР в прошлом, не показав так или иначе связь их истории с историей русского народа.

В романе Ауэзова выведены и русские люди — майор, купец, но возникают они где-то на закраинах романа.

Образ зрелого Абая стоит в центре второй книги романа, над которой сейчас и работает Мухтар Ауэзов, глубокий знаток истории родного народа и талантливый советский писатель.

Вышедший почти одновременно с романом Мухтара Ауэзова и отлично изданный Гослитиздатом том избранных сочинений самого Абая Кунанбаева в русских переводах может дорисовать для читателя облик замечательного сына казахского народа. В книгу вошли его стихи, поэмы и, наконец, «гаклии», то-есть своеобразные притчи-назидания. В произведениях Абая нам раскрывается щедрая и большая душа человека, глубоко переживавшего страдания своего родного народа. Борьба с байской эксплоатацией, с невежеством, с родовой знатью, положение девушки, будущее молодежи — вот что в центре его внимания, как и общечеловеческие темы — любви, старости. С особенно пылкой ненавистью Абай пишет о баях, мирских захребетниках, в которых он видит главных врагов казахского народа. Между прочим часть своих произведений (и стихи и прозу) Абай посвятил животрепещущему тогда для казахов вопросу: взаимоотношениям с русскими, положению казахского народа «относительно России». И в этом вопросе Абай последователен и решителен. Он знает, что казахам навечно жить вместе и дружить с русскими, и горячо защищает эту мысль: «Русские видят мир, — пишет он в одной «гаклии». — Если ты будешь знать их язык, то на мир откроются и твои глаза. Изучай культуру и искусство русских. Это ключ к жизни. Если ты его получил, жизнь твоя станет легче».

Так учил и писал казахский поэт, любимыми учителями которого были Пушкин и Лермонтов.

Совещание писателей Крыма

Крымский обком ВКП(б) созвал на-днях в Алуште совещание писателей, посвященное организации Крымского отделения ССП. Вступительное слово произнес секретарь обкома ВКП(б) по пропаганде и агитации тов. Чурсин.

В своем докладе о задачах, стоящих перед писателями Крыма, П. Павленко говорил о том, что история края и его недавнее героическое прошлое ждут своего воплощения в литературных произведениях. Областное издательство располагает значительной полиграфической базой, но издает еще мало книг. Не все опубликованные произведения находятся на высоком идейном и художественном уровне.

Доклад П. Павленко вызвал оживленные прения. Поэт-черноморец Н. Кириллов рассказал о творчестве краснофлотцев и офицеров Черноморского флота, которые группируются вокруг газеты «Красный черноморец».

О своей работе над книгой «В крымском подполье» говорил активный участник крымского подполья И. Козлов.

В прениях выступили также тт. Медведева-Томашевская, Шагурин, Холендро и др.

Ответственным секретарем отделения ССП избран П. Павленко.

В работе совещания приняли участие С. Сергеев-Ценский и прибывшие из Москвы С. Трегуб и Л. Субоцкий. Тов. Трегуб, ознакомившийся с произведениями местных авторов, отметил художественную ценность только что законченного романа Е. Поповкина «День начинается с Востока».

СИМФЕРОПОЛЬ. **(От наш. корр.).**

Д. ДАНИН

Неуправляемое слово

1.

«Твоя победа» — лирический монолог, долгий и страстный рассказ о жизни, почти исповедь. Это щедрый поток лирических признаний и отступлений. Он многословен и сложен. Лирическая героиня Алигер повествует о своей судьбе и судьбе своего поколения, о днях мира и днях войны. А сюжетную и композиционную канву этого рассказа составляет драматическая история любви.

Стремление к наиболее полному самовыражению, к раскрытию всего, чем богата ее душа, — вот, пожалуй, господствующая черта характера героини поэмы. Перед нею маячит «синяя звезда дальней цели», цели неясной, отчетливо не представимой, но постигаемой, как некий «благородный идеал» человеческого счастья, удовлетворенной любви на «высокий лад», с которой сливается преданное служение долгу перед временем и народом. Все в ее жизни— и любовь, и творческие усилия — проникнуто движением к этой цели. И это, разумеется, движение по неустановленному маршруту. Оно полно исканий, «непокоя».

И если Алигер поставила себе целью рассказать в поэме «о времени и о себе», она, сама того не сознавая, уподобила течение поэмы течению жизни самой героини. Она дробит ее лирический монолог на распадающиеся куски, старается обо всем рассказать, поведать все свои мысли и догадки: но, всегда помня о своей цели, не знает точного маршрута, ведущего к ней. Она как бы выбирает его на глазах у читателя, не заботясь о цельности и композиционной стройности поэмы.

В смене разнородных отрывков, в разной степени содержательных, нельзя уловить какую-нибудь одну главенствующую идею. Можно утверждать только, что все они пронизаны единым психологическим лейтмотивом. Алигер нашла для него точное и лаконичное выражение, поставив в эпиграф знаменитую блоковскую строку:

...И вечный бой! Покой нам только снится.

Как всякая поэтически воплощенная мысль, эта строка из Блока богаче того «голого смысла», какой можно из нее легко извлечь. Своеобразное тревожное настроение, влекущая атмосфера напряженного поэтического размышления — вот в чем заключается соответствие этого эпиграфа духу поэмы.

А в поэме все дышит «непокоем». Страстная заинтересованность отличает интонацию этого лирического монолога. И в центре интересов героини стоят этические вопросы, какие естественно возникали в дни войны у людей, взыскательных к себе и не равнодушных к чужим радостям и печалям. Не только отзвуки великих исторических битв недавнего прошлого звучат в поэме, но вся она — поэтическое эхо той внутренней борьбы, какую всегда ведет каждый честный перед самим собой человек за «личное совершенство». И полно серьезного значения признание поэта:

Нет, мы сражались не с одним врагом,
не только с немцем, сильным, всеоружным,—
со всем, что было мелкого кругом,
со всем пустым, и лживым, и бездушным.
Со всем ничтожным, что таилось в нас...

Серьезность — основное и бесспорное достоинство «Твоей победы». В этой поэме выразилось стремление рассказать о живом, мыслящем человеке, который не может и не хочет жить иначе, как в неразрывном единстве со своим временем, служа ему и горя на его огне. И человек этот должен был предстать перед нами со всем драматизмом его индивидуальной судьбы. Алигер хотела, чтобы жизнь, и, прежде всего, жизнь военного времени выступала в поэме не как декорация, на фоне которой разыгрывается личная драма героини. Она стремилась сделать жизнь равноправной участницей драмы. В этом— оправдание формы монолога — лирического рассказа — исповеди. Эта форма, как нельзя лучше, могла бы послужить цели, поставленной автором.

2.

Итак, казалось бы, многое, что было необходимо для достижения безусловной удачи, слилось воедино: глубоко значителен замысел, счастливо пришлась к делу монологическая форма лирической поэмы, верно найдена интонация взволнованной исповедальной искренности... Почему же безусловной удачи нет? Почему нет ее при несомненном обилии счастливых находок, отличных мест, интересных наблюдений и размышлений? Если вкладывать строгий смысл в эти слова, они прозвучат еще более жестоким вопросом: почему нет поэмы? Потому, что «Твоя победа» лишена цельности и того, что Генрих Гейне называл «пластической отчетливостью»!.

Мне кажется важным и необходимым говорить прежде всего именно об этом, а не о частных удачах Алигер, не об отдельных многозначительных главах поэмы, достойных, быть может, специального разговора.

Мы живем в такую пору, когда большим формам поэзии суждено большое плавание. Война придала эпический размах человеческим судьбам. А возвращение к миру не укоротило этот размах, но только перевело его в иной план — созидания жизни. Наша поэзия «в долгу и перед бродвейской лампионней и перед вами, багдадские небеса», но всего более в долгу она — перед человеком, перед «душой современности». Для поэмы — необ'ятный простор. Она отстала от «малой» лирики.

Но поэма никогда не раскроет таящихся в ней огромных возможностей, если не отличит себя со всей определенностью от простого цикла лирических стихотворений и от длинного стихотворения. Поэзия XX века приучила нас ничему не удивляться в делах стихотворства. Нам было доказано, что поэма может быть какой-угодно: безгеройной, как «Двенадцать» Блока, и бессюжетной, как «Хорошо!» Маяковского, монологической, как «Флейта-позвоночник», и диалогической, как «Поэма конца» Цветаевой... Но все это было именно доказано! Всякий раз поэт как бы говорил читателю: «Смотри, — это необычно, но ведь цельно, пластически отчетливо, мотивировано, необходимо, ни циклом, ни пространным стихотворением я бы тут никак не обошелся!» Так, даже самое необычное в искусстве доказывает свое право на существование. Вот в этом все дело.

Но Алигер свой прекрасный замысел не воплотила в ясном, продуманном действии, хорошо найденную монологическую форму не разработала как следует ни композиционно, ни сюжетно. И, наконец, стихотворная строка—носитель подкупающе искренней интонации этого монолога— оказалась сплошь и рядом столь «невычеканенной», столь слабой, что во многих местах обнаружила неспособность нести нагрузку, какую возложил на нее поэт.

3.

Лирическая основа поэмы Алигер—рассказ о любви. Он драматичен едва ли не с самого начала. Еще далеко до войны и разлуки, до гибели любимого человека, в жизни еще нет того «естественного драматизма», какой сопутствовал военным годам. Между тем, в лирических признаниях героини поэмы уже громко звучит нота беспокойства, «неразгаданности поворота» в любви.

Драматизм — в столкновении двух сильных характеров. Это все, что мы узнаем. «Для двух людей немаленького роста, с упрямством, нравом, волею своей» оказалась нелегкой задача построить жизнь на «высокий лад». В превосходных стихах очерчен образ человека, «гнету» которого едва не подчинилась «веселая свобода» героини Алигер. В этих стихах — намек на причину драматической коллизии:

Какою музой будешь ты воспета,
отчаянна, страшна и хороша,
исполненная сумрака и света
душа ребенка, странника, поэта,—
таинственная русская душа?
Кто может столько на земле увидеть,
так полюбить и так возненавидеть,
так резко остывать и пламенеть?
Кто может так безжалостно обидеть
и так самозабвенно пожалеть?
...За внешней гладью облика простого
такая схватка неподволь идет...

И вот перед героиней, «открывающей в муже все новые и новые черты», встает нелегкий вопрос:—«такой тебе по силам?»—спрашивает она саму себя, — «не свалишься под этой грозной ношей», не станешь ли «ничтожною рабой» своей любви? И хотя драматизм не раскрыт в ясном действии, нам понятна его глубина, потому что мы уже знаем господствующую черту характера героини. Для маленькой души этот вопрос, вероятно, просто не существовал бы, для человека с большим сердцем и вечным стремлением к действенному самовыражению в жизни — это вопрос огромный. Итак, он поставлен. Его нужно решить.

Для Маргариты Алигер, как поэта, здесь заключена этическая проблема общего значения, выходящая за пределы индивидуальной судьбы ее лирической героини. А кроме того, этот вопрос должен был бы иметь для нее еще и чисто-профессиональный, конструктивный, если можно так выразиться, интерес: ведь после решения его героиня должна еще долго жить и рассказывать свою жизнь, т. е. строить свой монолог — самую поэму. Вот почему решение так существенно важно и для «содержания» и для «формы» «Твоей победы».

На мой взгляд, Алигер дает ответ, противоречащий жизненной правде и нравственному облику ее героини, и это роковым образом сказывается на дальнейшем течении поэмы.

Изменяя своему характеру, героиня идет на смирение, на жертву, в поисках «покоя сердца», покоя, который она до тех пор неизменно отвергала и позже будет с той же последовательностью отвергать. Но сейчас драматическое столкновение в любви она разрешает вопреки своему собственному представлению о «достойной и гордой» жизни. Она только требует непременной сознательности в этом принесении жертвы любимому, трезвой и бесстрашной оценки того, что ждет всякую женщину в таком положении:

...трудные неласковые руки
в свои ладони бережно возьмешь,
и, разглядев, как долго, как далеко
ты рядом с ним обязана пройти,
ни слова сожаленья и упрека
не смея никогда произнести...
...поймешь, что нет тебе на свете
пути иного и судьбы иной,
что ты согласна быть за все в ответе —
покойно сердце, разум чист и светел,—
тогда и назови себя женой.

Так соглашается она на жертвенность, на «крестную муку», на судьбу «ничтожной рабы». И это — не веление слепой страсти! Это — взвешенное, рассудком данное решение. И слова о будущем счастье, которые она произносит, «побледнев чуть-чуть», звучат уже не как заклинание исполненного горячей веры в человека, но как выражение иллюзорной надежды.

Таково «этическое обобщение» самого поэта. Алигер зовет свою героиню к этой односторонней жертвенности в любви и восхищается этим смиренным «нравственным героизмом»:

Я не устану, я готова в путь.

Вот последняя гордая поза, с какой уходит «она» в жизнь, полную неравноправной и, в конце концов, трагической любви. Таково странное преображение поколения «подружек, сестер, однолеток», которые носили «жесткие рубашки, ремни на гимнастерке вперекрест» и были «строителям и воинам подстать». Но поколение это, разумеется, тут не причем. Завязки человеческих судеб могут быть как угодно различны. Вот мы узнали одну из них. Для женщины, подобной героине поэмы, такая завязка сулит печальную судьбу. Поэту, который хочет итти рука об руку с правдой жизни, открывается перспектива создания жестокой и горестной, но правдивой и потому прекрасной повести о горьком счастье жертвенной любви... Или о разрыве.

4.

Таким образом, в ответе, который услышали мы, содержится не столько разрешение возникшей драматической коллизии, сколько начало новой драмы.

Но Маргарита Алигер хочет рассказать о счастье, о жизни «надежной, большой», «единственно возможной и верной». Вот здесь-то и обнаруживается непоследовательность ее ответа, ее «этического обобщения». Так же как и в действительности нельзя построить на таком основании «надежной жизни», полной плодотворного труда и осуществления прекрасных стремлений, так нельзя сделать этого и в поэме. И в самом деле, с того момента, как решение принято, лирическая героиня, в сущности, перестает рассказывать о том, «что же дальше?» В известной мере это делает честь Алигер, у которой чувство жизненной правды всегда было неподкупным. Но поэме от этого, очевидно, не легче.

С этого момента она превращается в поток сплошных отступлений. «Дом друзей»... гостиница «Москва»... историческая трагедия еврейского народа... приметы грядущей победы, раскрывающиеся в малом... И многое другое входит в лирический монолог героини для того, чтобы еще и еще раз в тысяче строк риторически утвердить серьезность и честность ее образа мыслей и для того, чтобы картины военного времени выступили, как фон, на котором должна была бы разыгрываться ее лирическая драма. Но драма эта перестает быть психологическим и композиционным стержнем, она просто перестает развиваться, и мы уже видели, почему это происходит.

Кроме отдельных намеков мы больше ничего не узнаем о том пути, по которому с такой готовностью («Здравствуй, счастье!») ушла еще задолго до войны героиня поэмы. Ей кажется достаточным в своем словообильном до расточительности монологе-исповеди всего четыре строки уделить тому, что предшествовало войне — «и годы проходили за годами...» Потом — начало войны. «Он» уезжает сразу на фронт. Потом—его краткий приезд. Потом — известие о его смерти. Обещанной жизни не было и нет. Ее и не могло быть. Элемент драматического действия (а не только драматической риторики), какой присутствовал в начале поэмы, почти совсем исчезает и появляется вновь с известием о гибели героя. Так течение поэмы теряет стройность и ясность, а смена отступлений и признаний — обязательность, необходимость и внутреннюю мотивированность. Поэма распадается на части, в иных местах превращаясь просто в цикл лирических стихов, об'единенных только общностью настроения.

Так мстит поэту его собственный замысел, когда он не продуман в самой своей основе, когда не найдено для него ясное воплощение в действии. Так мстит непреодоленный суб'ективизм. Так форма лирического монолога, емкая и таящая в себе соблазн какого угодно суб'ективного произвола, превращается в бесформенность, когда она не дисциплинирована ясностью судьбы героя, произносящего монолог, и ясностью композиции.

5.

Вся творческая работа поэта — его «большое злое ремесло» — состоит в непрестанной борьбе с материалом. И материал жизни и материал слова сопротивляются поэту. А у него есть двойное оружие, с помощью которого преодолевает он это сопротивление, — талант и труд.

Маргарита Алигер подлинно талантлива. С отвагой и серьезностью, редкими у поэтов ее поколения, идет она на раскрытие своего внутреннего мира. И ей всегда есть что сказать современникам.

Но труд, труд! Недостаточность труда сказалась в поэме «Твоя победа». Отчетливее всего это проявилось в ее стиле. Алигер не сумела до конца преодолеть сопротивление материала жизни, но в еще большей степени не смогла она выйти победительницей из борьбы с материалом слова.

Слишком многословна и растянута не только вся поэма. Это пороки алигеровской строки. Поиски точного образа не стали для Алигер незыблемым законом. Слишком часто место изобразительности заступают ее суррогаты — описательное перечисление признаков, нанизывание непритязательных эпитетов, имеющих силу только номенклатурных определений. Воздух — «бодрящий, добрый, старый»... Любимый человек — «живой, родной, горячий»... Ничтожное в душе человека связывает его «мысли, руки, ноги»... Люди — «жили, спали, думали, дышали»... И так на каждом шагу.

Те же стены, потолки, полы,
те же окна, стулья и столы,
все удобно, слажено, надежно.

Как родная сестра этой расхлябанности изображения живет в поэме синтаксическая невзыскательность: «сделать чтоб во что бы то ни стало».

Где же борьба со словом, величественные примеры которой в таком обилии дает история русской поэзии и старого и нового времени?

Маргарита Алигер — поэт больших раздумий. Все ее творчество — непрерывный рассказ «о времени и о себе», говоря словами Маяковского. И не всуе звучит здесь это великое имя: для современной поэзии — оно символ не только великих намерений, но и великого труда, плодотворных исканий, без которых нет искусства.

А. БАССЕХЕС

Культура книги

На выставке оформления книги 1944—1946 гг. в Доме архитектора

В выходных данных новых книг все чаще приводятся пяти- и шестизначные цифры. Нас это не удивляет. Мы к этому привыкли. А между тем в массовости тиражей книг ярче всего сказывается передовой демократический характер советской культуры. Они — эти тиражи — в конечном счете определяют настоящее и будущее всего книгоиздательского дела.

Только при внимательном осмотре выставки можно заметить на одном из ее стендов крошечные тетради стихов А. Прокофьева и В. Саянова, изданные в Ленинграде Военгизом в дни войны. Любопытно, что и эти наспех сшитые книжицы заботливо украшены рисунками художников. К ним нельзя подходить с высоким мерилом полиграфической культуры, но они свидетельствуют о любви к печатному слову не менее красноречиво, чем роскошные уникальные альбомы, изданные в количестве нескольких десятков или сотен пронумерованных экземпляров.

Внушительно выглядят на выставке ряды сочинений Ленина и Сталина, где каждый том подобран один к одному. Строгая, простая и благородная внешность, удобный для работы над книгой формат, тщательный подбор шрифтов и иллюстраций, четкая печать, прочные переплеты из превосходного отечественного ледерина — отличительные особенности этих изданий. Перед нами действительно образцовые издания Госполитиздата.

Представим их себе в полном об'еме. Собрание сочинений Ленина — это двадцать миллионов томов. Это пятьсот металлических штампов для медальона — портрета Владимира Ильича, оттиснутого на каждой крышке переплета (меньшее количество не выдержало бы такого тиража). Это — горы высокосортной бумаги и многие километры ледерина. Это — величайшая согласованность во всех звеньях производственного процесса, без которой немыслима полная стандартность продукции.

Задач подобного масштаба не знает ни одна из книжных фирм Западной Европы и США. Монументальный труд Госполитиздата открывает новую эру в истории книгопечатного дела.

Когда потребность в книге столь значительна — это неизбежно отражается на ее художественном облике. Даже в области книжной иллюстрации дает себя знать закон больших чисел. Чем бы ни был вызван первоначальный расцвет деревянной гравюры, как самостоятельного вида графики, она у нас получила такое широкое применение именно потому, что в условиях роста тиражей обеспечивала книге культурную внешность. В ксилографии привлекают предельная четкость изображения, органическая связь с наборными элементами книжного листа, наличие «авторизованного» клише, которое гарантирует от искажений в печати даже при значительном тираже. Все это очень пригодилось. Позже, когда к работе над книгой пришла сильная группа мастеров ксилографии, производственная необходимость стала художественным достоинством.

Теми же причинами об'ясняется и расцвет автолитографии. Постепенно определились сферы применения этих двух видов гравюры. В многочисленных изданиях классиков русской и мировой литературы, в книжках, по преимуществу, небольшого формата, прочно утвердилась гравюра на дереве. Некоторая ее архаичность, то впечатление наивной первопечатности, которое она производит, здесь с лихвой искупается строгой линеарностью, крайне важной в книжной миниатюре, крошечных заставках и виньетках. Живописная, бархатистая по тону автолитография привилась в юношеской и детской книге с ее более крупными форматами.

В закономерности такого разграничения убеждает и опыт последних лет. Там, где задачи украшения книги и художественно-графического раскрытия ее содержания почти совпадают, обе техники дают хороший результат. Но это не всегда так. Очень часто образ и мысль писателя можно передать только в рисунках пером, карандашом или кистью. Если бы устроители выставки догадались приложить к оригиналам таких рисунков оттиски, стало бы ясно, почему их сравнительно мало. Технике репродуцирования у нас уделяется недостаточное внимание. Художнику, избравшему свободную манеру рисунка, постоянно грозит опасность искажения его оригинала в печати.

Между тем иллюстрации этого типа во многих случаях попросту незаменимы. На выставке мастера ксилографии представлены в очень сильных образцах. Высокой оценки заслуживают новые иллюстрации В. Фаворского к «Отелло», Ф. Константинова к Чосеру, А. Гончарова к Мериме, Г. Ечеистова к «Дон-Жуану» Байрона. Не повезло только басням Крылова. Гравюры Фаворского и Гончарова не вяжутся с лукавством, мудрыми иносказаниями и народной наблюдательностью басен. Они продуманы в каждом штрихе, но как раз это и расхолаживает. Старательная одопись в размерах карликовой фрески у Гончарова вытеснила забавный мир человеческих пороков и заблуждений, обряженных в звериные маски. В. Фаворский дал для басни «Любопытный» изображение кунсткамеры, которое с большим успехом можно было бы использовать в книге совершенно иного содержания. Иллюстрации М. Пикова к «Илиаде» также кажутся каллиграфически сухими и жесткими; при всем их мастерстве они чужды духу античности. Повидимому, возможности деревянной гравюры все же ограничены.

Литографии реже вызывают это чувство несоответствия принятой изобразительной формы духу литературного произведения. К лучшим экспонатам выставки относятся литографии Е. Кибрика к «Тарасу Бульбе», К. Рудакова к «Дюймовочке» Андерсена, В. Лебедева к новой книжке С. Маршака. Но и этой технике не все доступно. Чем ближе к нашим дням, тем острее ощущается потребность в более гибкой и эмоционально емкой форме свободного рисунка. Горького и Чехова трудно себе представить в иной технике. Все ее преимущества ясно осознаешь перед иллюстрациями Кукрыниксов к «Даме с собачкой». В свободных и вместе с тем точных и выразительных набросках художники правдиво передали без всякого привкуса ремесленности аромат чеховской прозы. Агин первым открыл читательскому взору Гоголя, Врубель — Лермонтова. В отношении Чехова это сделали Кукрыниксы. Рядом с ними выступает целая плеяда талантливых рисовальщиков — Л. Бруни, Д. Шмаринов, К. Кузнецов, В. Конашевич, А. Каневский и другие.

Небольшой зал выставки вместил считанные образцы советской книжной графики. Они подтверждают старую славу наших иллюстраторов и еще раз доказывают, что спор о воспитательной роли иллюстрированной книги давно уже решен в пользу художников.

Пушкин предупреждал издателей, чтобы «не было азиатской пестроты и безобразия» в концовках и заставках. В наше время этого не приходится опасаться. Художник стал вдумчивым, серьезным и талантливым комментатором писателя. Опасаться следует другого: успех иллюстрированной книги настолько велик, что она скоро, пожалуй, совсем вытеснит рядовые переиздания классиков, примечательные только опрятной и культурной внешностью. Вместо них мы видим на стенах выставки тяжеловесные, разбухшие однотомники Толстого, Лескова и Горького, которые трудно установить на книжной полке. Повидимому, иллюстрирование книг, даже самое совершенное, — дело более легкое для издательств, чем культурное полиграфическое оформление не только изданий повышенного типа, но и рядовой рабочей книги, учебники и брошюры.

В этом убеждает весь материал выставки. Смотры книжной иллюстрации устраиваются ежегодно. С мастерами — оформителями книги мы встречаемся впервые за много лет. Им отведены особые стенды. Таких стендов оказалось одиннадцать, а должно было быть раз в десять больше, если учесть значительный об'ем нашей книжной продукции. На индивидуальных стендах много хороших, даже образцовых книг, оформленных Я. Егоровым, Н. Ильиным, С. Тилингатором, Н. Седельниковым, П. Суворовым, Е. Коганом, И. Николаевцевым, Б. Титовым, Г. Фишером, С. Пожарским, Е. Кривинской и другими. Каждый из них имеет свое лицо и вместе с тем в титульных листах, в переплетах, в орнаментальной декорации книги все они уже добиваются некоторой общности подхода. Об этом широко понимаемом единстве стиля лучших советских книг свидетельствуют «Манас» в оформлении Егорова, Петрова и Костылева, «Юность короля Генриха IV» — Когана, «Василий Теркин» — Тилингатора и О. Верейского, «Лукреций» Лобанова и многие другие работы.

Стенды, на которых представлена продукция издательств, сгруппированная по видам литературы, производят значительно менее благоприятное впечатление. Передовые издательства можно пересчитать по пальцам. Это Госполитиздат, Гослитиздат, Детгиз, издательство Академии наук, издательство «Большая советская энциклопедия». Все остальные пока еще очень безличны. Из книг Сельхозгиза только хороший макет будущей Сельскохозяйственной энциклопедии, превосходно выполненный И. Рербергом, сулит лучшие времена. Неряшливо оформляется техническая, учебная и особенно массовая научно-популярная литература.

Две диаграммы, показанные на выставке, отчасти раз'ясняют такое положение вещей. На первой из них дан перечень более распространенных расцветок переплетных тканей. Преобладают светло- и темнокрасные тона. Да и всего-то составитель диаграммы насчитал не более пяти красок. Еще показательнее вторая диаграмма. В 1937 г. около 47 процентов книг по данным выборочного обследования Научно-исследовательского института ОГИЗа набирались шрифтом одной гарнитуры — латинской, а в 1945 году той же гарнитурой набиралось уже 72 процента. Это угрожающие цифры. Ведь самые скромные стандарты рекомендуют использование по крайней мере 25 различных по рисунку шрифтов. Как можно при таком оскудении наборных касс, при маловыразительных расцветках переплетов, рассчитывать на серьезные сдвиги в полиграфическом оформлении массовой книги!

Степень культурности книги, ее качество в значительной мере зависят от состояния типографии, словолитен, производств красок, переплетной бумаги и тканей. Если на этих производствах царит рутина, художнику приходится прибегать к эрзац-графике, к перенасыщению книги различными украшениями. Единственное их назначение — скрыть плохое качество материалов и печати, стандартность подхода, отсутствие углубленной работы над типом книги и органичными для нее элементами полиграфического оформления. Это — путь опасный и ложный. Надо, чтобы достижения и опыт лучших издательств и изданий были перенесены на всю широкую область массовой книги. Это случится тем скорее, чем раньше не только в мастерских художников, но и на всех предприятиях полиграфической промышленности будет установлена творческая атмосфера.

Воспоминания Аветика Исаакяна

В издании Армгиза вышла книга Аветика Исаакяна «Из моих воспоминаний» (на армянском языке). Автор рассказывает о своих встречах с писателями Г. Агаяном, П. Прошляном, О. Иоаннисианом, О. Туманяном, В. Теряном, Нар-Досом, Акопом Акопяном, с архитектором Т. Тороманяном, академиком А. Таманяном и др.

Новый роман В. Костылева

На-днях В. Костылев сдал в Горьковское областное издательство заключительную книгу трилогии «Иван Грозный» — роман «Невская твердыня». В романе последние, полные драматизма годы царствования Грозного.

Автор описывает путешествие русского посольства в Рим, встречи русских дипломатов с королевой Елизаветой в Лондоне.

В эпилоге показан продолжатель реформ Грозного, осуществивший мечту Ивана IV о выходе России к Балтийскому морю — Петр I в период строительства Кронштадтской крепости — «Невской твердыни» России.

Е. УСПЕНСКАЯ

Документальный фильм о Горьком

Есть люди, которые проходят по земле так, что после них остаются жить не только их дела, их мысль, их слово: каждая улица, где они проходили, каждая комната, стены которой слышали их голос, каждая вещь, которой они коснулись, навеки одухотворены их памятью.

Это чудесное качество вещей умело и тонко использовано в документальном фильме «Максим Горький».

Дома, улицы, стены, вещи, документы, портреты, картины, сцены из пьес, наконец, отрывки немой и звуковой кинохроники — вот материал, на котором сценарист Лев Никулин и режиссер С. Бубрик (главный оператор А. Шафран) создали картину о великом русском писателе.

Прочно устоялись приземистые, широконогие столы в низких комнатах дома Кашириных. Тяжелые замки висят на дверях, и, глядя на эти молчаливые комнаты, зритель всем сердцем чувствует, как тесно и тяжко было здесь Алеше Пешкову.

Но вот словно от порыва ветра распахнулись ворота. За ними горбатая уличка, а потом дороги, дороги... Пыльные, трудные, дальние пути. В люди!

И пусть на экране — лишь придорожный кустарник и далекие холмы, — зрителю видится мальчик с высоким лбом и широко расставленными глазами, который уходит по этой дороге вперед, в жизнь...

В этом одухотворенном показе обстановки, пейзажей, вещей — главная удача фильма. Ни на одно мгновение зритель не расстается с Максимом Горьким. Бесконечные скитания и дороги, Волга, путешествие по Кавказу, друзья, первый рассказ в тифлисской газете, тяжелые, глухие стены тюрем, напряженная работа, бесчисленные страницы его произведений. Горячие годы революции, встречи с товарищами Лениным и Сталиным, свободная, счастливая Россия. Горький снова путешествует по своей родине. Он бывает всюду: на строительстве, в колхозах, в детских лагерях. И наконец, мы видим на экране остановившиеся часы возле постели Алексея Максимовича в Горках...

«Пусть бы люди слушали меня с доверием — уж я бы поискал, как жить лучше», — писал Алексей Максимович в повести «Детство».

Авторам фильма удалось впечатляюще рассказать о великом писателе, который всегда искал «как жить лучше» и которому безгранично верили люди.

Впрочем, фильм этот скорее говорит о Горьком-человеке, нежели о Горьком-писателе. Конечно, трудно рассказать о таком великане, как Горький, в течение полутора часов. Но жаль, что авторы фильма лишили себя возможности показать, как преломлялась в творчестве Горького окружающая его жизнь, показать людей, с которых Горький писал своих героев.

И даже там, где авторы цитируют «Песню о буревестнике», они идут по линии прямой иллюстрации (скалы, бушующее море). А это уже совсем досадно, потому что здесь были возможны любые, самые углубленные и смелые ассоциации.

Цитаты из Горького дополняют и раскрывают перед зрителем то, что он видит на экране. Запоминается карта странствий Алексея Максимовича, сопровождаемая чтением его рассказа о своих поездках.

Когда зритель видит осеннюю дорогу, его трогают полные мягкого юмора слова Горького: «Очень красивое время года, но несколько неудобное для путешествия пешком и особенно в худых сапогах...». Тот же мягкий горьковский юмор звучит и в других кадрах, обогащая и приближая к зрителю образ этого чудесного человека: «Я уже не лицо, а почти учреждение...» — говорил он. И когда на экране мелькают бесчисленные пачки писем и рукописей, стекающихся к Алексею Максимовичу, еще и еще раз удивляешься тому вниманию к людям, которое неизменно проявлял великий писатель, аккуратно отвечая своим корреспондентам.

Хорошо использован в фильме текст документов, в частности, писем В. И. Ленина к Алексею Максимовичу, которые полны тепла и внимания.

Фильм заключают слова товарища Сталина о горьковской поэме «Девушка и смерть», приведенные ранее в автографе, — «Любовь побеждает смерть». Слова эти звучат в то время, когда на экране возникает перед нами Красная площадь и ее заполняют несметные толпы людей, пришедших отдать последний долг праху любимого писателя.

Фильм «Максим Горький» выпущен на экраны в горьковские дни, его смотрят миллионы зрителей с волнением и гордостью за великого писателя нашей страны.

«ГОРЬКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

Традиционные «горьковские чтения», которые проводит Институт мировой литературы им. Горького, привлекли широкое внимание литературной общественности.

Открывая собрание 14 июня, В. Кирпотин говорил о значении творчества Горького, о роли его в развитии русской литературы.

С докладом «Горький и задачи советской литературной критики» выступил А. Еголин.

— Горький всегда оставался принципиальным и требовательным критиком, — говорит А. Еголин, — и сегодня мы должны по-горьковски подходить к явлениям нашей литературы. У нас должны быть знающие, подготовленные критики, свободно владеющие теорией марксизма, умеющие давать отпор вредным и поверхностным оценкам. Наши критики плохо справляются со своими задачами, а ведь они полностью разделяют с писателями ответственность за состояние литературы. Статьи в журналах и газетах носят большей частью не проблемный, а информационный характер, обзорные статьи — редкое явление в нашей прессе. И писатели и критики должны чаще обращаться к нетленным страницам великого писателя.

Доклад на тему «Горький и советская литература» сделал Л. Тимофеев. Он говорит о новаторстве Горького, показавшего в литературе новый тип человека — борца, революционера. Горький воплотил в художественных произведениях русский революционный характер в единстве национальных и социалистических качеств.

Лучшие советские писатели учатся у Горького главному — мастерству в изображении нового характера, умению показать развитие этого характера под влиянием революционных сил нового общества.

Второй день «горьковских чтений» (15 июня) был посвящен докладам Б. Бялика «Горький и социалистический реализм» и И. Новича «Путь Горького к Ленину». Анализируя высказывания Горького о литературе, относящиеся к 1900 и к 1932 гг., Бялик показал, какое глубокое значение вкладывал Горький в понятие социалистического реализма.

В докладе «Путь Горького к Ленину» И. Нович рассказал об идейной близости Горького к Ленину еще до личной встречи с Владимиром Ильичем в 1905 г. Интуиция великого художника помогла Горькому найти правду жизни, к которой звал и за которую боролся Ленин. И придя к Ленину, Горький до конца своих дней всегда шел по ленинскому пути.

На заседании 17 июня Е. Тагер прочитал доклад «Стиль прозы Горького».

Доклад Ю. Юзовского был посвящен «Пьесам Горького конца 20-х — начала 30-х годов». Он говорит о двух пьесах Горького, которые до последнего времени оставались почти не известными. Это — «Сомов и другие» и «Яков Богомолов».

Продолжение «горьковских чтений» состоится 25 и 27 июня. Н. Бродский сделает доклад «Горький и Лермонтов», Б. Михайловский — «Горький и Гоголь», Н. Пиксанов — «Горький — историк литературы», А. Дживелегов — «Горький и итальянская литература» и Т. Мотылева — «Горький и Ромэн Роллан».

В СОЮЗЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Вечер Л. Квитко

Большую аудиторию привлек творческий вечер еврейского поэта Л. Квитко.

Вечер открылся докладом проф. И. Добрушина.

Л. Квитко в течение 30 лет своей литературной деятельности создал произведения, сделавшие его имя популярным в Советской стране. Его детские стихи разошлись на многих языках народов СССР восьмимиллионным тиражом. Квитко выступает и в других жанрах.

На вечере Л. Квитко прочел еще не опубликованные стихи.

Д. Бергельсон, С. Галкин, И. Фефер, А. Кушниров, проф. И. Нусинов, выступавшие на вечере, подробно охарактеризовали творчество Квитко последних лет.

Партизанский фольклор

На заседании секции народного творчества в Московском клубе писателей Н. Комовская сделала сообщение о записанных ею недавно во Львове устных рассказах партизан из отряда дважды Героя Советского Союза С. А. Ковпака. Она зачитала наиболее интересные тексты, а также поделилась своими наблюдениями над тематическими и композиционными особенностями партизанского фольклора.

В обсуждении доклада приняли участие: проф. И. Розанов, Н. Рождественская, В. Сидельников и др.

На собрании московских драматургов

20 июня состоялось общемосковское собрание драматургов. В повестке дня — отчет бюро секции драматургов и перевыборы бюро.

С докладом о работе секции выступил заместитель председателя бюро Б. Ромашов.

В прениях по докладу Б. Ромашова участвовали: И. Альтман, М. Берестинский, А. Бруштейн, Г. Мдивани, А. Крон, О. Литовский, А. Арго, В. Ардов, П. Герман, М. Водопьянов, Вс. Вишневский.

Собрание признало работу бюро секции драматургов неудовлетворительной и выразило надежду, что новое бюро сумеет создать подлинно-творческую атмосферу «суровой доброжелательности» — по выражению А. Крона.

Тайным голосованием было избрано новое бюро секции драматургов. В его состав вошли: Вс. Вишневский, И. Чичеров, И. Альтман, О. Леонидов, Г. Мдивани, А. Бруштейн, О. Литовский, А. Крон, и А. Арго. Кандидатами в члены бюро избраны: Б. Ромашов, Ф. Ваграмов, М. Водопьянов.

Русская литература XVIII века

В восьми залах бывшего Кропоткинского особняка открылся филиал Государственного литературного музея по истории русской литературы XVIII века.

Разделы музея посвящены творчеству 26 писателей, в том числе Феофана Прокоповича, Кантемира, Тредиаковского, Ломоносова, Богдановича, Сумарокова, Хераскова, Фонвизина, Княжнина, Державина, Радищева, Карамзина.

Большое место отведено многочисленным повестям неизвестных авторов, богатому и многообразному фольклору. Уникальная коллекция оригинальных лубков петровского, екатерининского времен отражает литературные и художественные вкусы читателей и авторов из народа.

Основными экспонатами музея являются книги. Посетитель видит все особенности палеографии и полиграфии того времени. Среди экспонатов — первые книги, напечатанные гражданским шрифтом (1708 год), первые издания Ломоносова, Кантемира, Сумарокова и его школы, Державина, Карамзина и Дмитриева. В числе редких книг — уничтоженный цензурой Екатерины II «Вадим Новгородский» Княжнина.

Широко освещена творческая, издательская и переводческая деятельность писателей XVIII века и первые издания стихов, трагедий, комедий Сумарокова; первый поэтический альманах «Аглая»; экземпляры учебников, изданных Ломоносовым; сатирических журналов «Трутень», «Пустомеля» и журнала, издававшегося Екатериной II — «Всякая всячина»; «Московский журнал» и «Вестник Европы», изданные Карамзиным. Богато представлена издательская деятельность Н. Новикова — его «Первая история русской литературы», «Опыт исторического словаря о российских писателях», материалы по истории Руси — «Древняя российская вивлиофика» и другие книги.

В одном из зал выставки собраны переводы произведений западных писателей XVI — XVIII вв. Особый интерес вызывает фотокопия еще неизданных записок Ф. Энгельса о русских писателях XVIII века.

Альманах „Кубань"

КРАСНОДАР. **(От наш. корр.).** В ближайшее время выходит из печати вторая книга альманаха «Кубань».

Альманах открывается главами из романа лауреата Сталинской премии А. Степанова «Семья Звонаревых». В отделе прозы напечатаны: первая часть романа Семена Бабаевского «Казачки», «Голубая линия» (продолжение записок партизана) П. Игнатова, рассказы «На горном перевале» Владимира Монастырева, «Побратимы» А. Коломиец, стихи В. Литвинова, П. Симонова, Л. Лиходеева, очерк Андрея Руммера «Рыбацкая весна», историко-литературный очерк научного сотрудника Краснодарского пединститута В. Михельсон «Лермонтов на Кубани».

Готовится к печати третья книга альманаха «Кубань», в которой будут напечатаны: повесть Семена Бабаевского «Кавалер Золотой Звезды», пьеса Степанова и Попова «На Тихом океане», «Подполье Краснодара» (третья книга записок партизана) П. Игнатова и др.

Л. МИХАЙЛОВ

ПАМЯТИ А. Н. ОСТРОВСКОГО

ЩЕЛЫКОВО. **(Спец. корр. «Литературной газеты»).** Минуло шестьдесят лет с того дня, как в имении Щелыково нынешней Костромской области умер великий русский драматург А. Н. Островский. Память об Островском бережно хранят в Щелыковском доме-музее его имени.

Небольшой двухэтажный деревянный дом с ампирными колоннами, столовая, где, кажется, только что отобедали, кабинет, где стоит письменный стол, за которым работал драматург, диван, на котором он любил отдыхать и на котором скончался... Хранитель музея Иван Иванович Соболев является не просто музейным работником. Его детство прошло под благотворным влиянием Островского. Одиннадцатилетний крестьянский мальчик Соболев ходил к писателю, обучавшему его грамоте.

Для тех, кто теперь побывал в Щелыкове, пьесы, которые драматург написал в костромском уединении, будут еще теснее связаны с биографией их автора. Ведь здесь Островским написано тринадцать пьес, и среди них такие, как «Бесприданница», «Последняя жертва», «Таланты и поклонники», «Правда хорошо, а счастье лучше».

Почтить память Островского в Щелыково приехали представители театральной общественности столицы, а из Костромы и Кинешмы — представители партийных, советских и общественных организаций. Местные жители пришли пешком в этот день для того, чтобы поклониться праху великого русского писателя.

Могила Островского находится в двух километрах от Щелыкова на старом кладбище села Бережки. В жаркий полдень 14 июня 1946 года около могилы Островского собралось множество людей с венками из чудесных летних цветов.

Одну из речей особенно хорошо запомнили присутствующие.

Говорил полковник Красной Армии К. Елшин. Он рассказал о том, как на фронт приезжали передвижные театры и в боевой обстановке играли «Бесприданницу» или «Без вины виноватые».

В эти часы, казалось, зрители-воины слышали голос России — голос любимой Родины. О такой же горячей любви к Островскому говорил секретарь Костромского обкома ВКП(б) П. Богачев. Крупнейший колхоз в области и областной театр носят имя Островского, а сейчас трудящиеся Семеновского района, где находится Щелыково, выдвинули ходатайство, чтобы району присвоили почетное имя Островского.

Вечером того же дня Московский Малый театр чествовал в Щелыкове память писателя специальным выездным спектаклем. Ставили комедию «На бойком месте». Не случаен выбор этой пьесы. В начале прошлого столетия, в глуши костромских лесов, на проезжей дороге, недалеко от поворота с тракта в Щелыково стоял трактир. Рассказы о происходивших в трактире случаях послужили Островскому сюжетом для его комедии «На бойком месте».

„Знамя" № 5—6

Вышел из печати и рассылается подписчикам журнал «Знамя» № 5—6 (май—июнь).

В отделе поэзии помещены стихи: А. Твардовского, Галины Николаевой и Сергея Орлова. В отделе прозы: Юрий Нагибин «Три рассказа»; генерал-майор Петро Вершигора «Люди с чистой совестью» (книга вторая, продолжение); Луи Арагон «Встречи», «Хорошие соседи».

В отделе публицистики: В. Стамбулов «Освобождение Парижа» (Парижское восстание в 1944 году). Критика и библиография представлена статьями Е. Книпович «О романе А. Фадеева «Молодая гвардия», М. Мейдельсона «Маяковский об Америке». В. Азарова «Во имя правды» (о творчестве Антокольского); В. Шкловского «Басни Михалкова», И. Гуторова — «О партизанских песнях».

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

В Доме культуры Армянской ССР состоялся творческий вечер поэта Геворка Эмина. Доклад о творчестве поэта сделала М. Шагинян. Переводы стихов Г. Эмина читали В. Звягинцева, М. Петровых, А. Кочетков, Л. Длигач, В. Потапова и К. Арсенева. Г. Эмин прочитал свои стихи на армянском языке.

В г. Сальске (Ростовской области) состоялась читательская конференция, посвященная обсуждению творчества Анатолия Калинина. Доклад о романах А. Калинина «На юге» и «Товарищи» сделала преподавательница М. Иванова. В обсуждении участвовали преподаватели, учащиеся, рабочие, колхозники.

На очередной «среде» в редакции областной газеты «Коммунист» (Саратов) обсуждалась «Сталинградская поэма» молодого поэта И. Тобольского. В обсуждении приняли участие писатели: В. Неводов, В. Смирнов-Ульяновский, Г. Боровиков, В. Тимохин, В. Лапинский, Ю. Чепурин, Б. Озерный, проф. Карташев и др.

В Киевском университете состоялись выступления московских поэтов Евг. Долматовского и Семена Гудзенко. Творческий вечер С. Гудзенко состоялся также в клубе писателей.

Редакционная коллегия: Б. ГОРБАТОВ, Е. КОВАЛЬЧИК, В. КОЖЕВНИКОВ, С. МАРШАК, Д. ПОЛИКАРПОВ, Л. СОБОЛЕВ, А. СУРКОВ (отв. редактор).

„Слог" и „стиль" товарища Астахова

◇

Николай БОГОСЛОВСКИЙ

◇

В № 1 журнала «Литературное творчество» за 1946 г. под рубрикой «Литературная консультация» напечатана статья И. Астахова «Слог и стиль». Судя по рубрике, назначение статьи — просветить малоопытных и «начинающих». Первые же строки статьи заставляют насторожиться:

«Когда мы, — возвещает Астахов, — говорим: это — стиль Гоголя или это — стиль Горького, мы имеем в виду прежде всего манеру Гоголя или Горького **определенным** образом располагать, сочетать слова» (стр. 102).

Вероятно, во избежание явных недоразумений, автор статьи не показывает и не раскрывает этот строго «определенный образ сочетания слов», продолжая, однако, на разные лады настойчиво твердить одно и то же.

«Определенная творческая манера расположения слов и соответствующий этой манере ритм прямо и непосредственно обнаруживают индивидуальную особенность поэта или писателя» (там же).

«У каждого художника слова вырабатывается **определенный** принцип сочетания и подбора слов» (там же).

«Фет пытается из подбора **определенных** слов строить музыкальный... стих» (там же).

Любовь к определенности сказывается у Астахова и на следующей, 103-й странице, где он раскрывает «начинающим» секрет воздействия художественных произведений на разум и чувство читателя.

«Если **слог** не безличен и **заставляет нас** понять и **разделить,** в известной мере, взгляд автора на **определенные** понятия, то такой слог приближает нас к автору, заставляет нас известное время жить его жизнью» (?!).

Заметьте «в известной мере» и в «известное время»...

Насколько тонко и искусно решает т. Астахов задачу характеристики стилистических особенностей того или иного поэта, можно судить хотя бы по следующему выразительному примеру. Сопоставляя слог и стиль Фета со слогом и стилем Маяковского (затея сама по себе довольно странная), Астахов пишет:

«Фет, например, предпочитает использование таких слов, которые прежде всего исключают неблагозвучие; **он старательно обходит** не только грубые, но и «грубоватые» слова *). В его стихах **не слышно** (?) **ни ораторских призывов, ни воплей, ни стонов, ни крика возмущенной несправедливостями жизни души.** Фет пытается (?) из подбора определенных слов строить музыкальный, певучий, спокойный, **изнеженный** стих...».

Фет пытается... из подбора определенных слов строить... изнеженный стих... В его стихах не слышно... ораторских призывов...

Таким, мягко говоря, дубовым слогом пишет Астахов статью о поэтическом стиле.

«Слог и стиль Фета, — изрекает он далее, — совершенно невозможно «смешать» со стилем Маяковского».

Причину этого автор статьи видит в том, что в лексиконе Фета «мы не найдем таких слов, которые бы выражали бурное возмущение произволом крепостничества и подневольным положением народа».

Хочется задать Астахову вопрос: А возможно ли смешать слог и стиль И. Никитина или какого-либо другого поэта «антикрепостнического» толка со стилем и слогом Маяковского?

Управившись с Фетом и Маяковским, Астахов переходит к Пушкину. На странице 103 он почтительно сообщает «начинающим», что «величайший знаток и созидатель красот русского языка А. С. Пушкин не любил видеть «в языке нашем следа (!) европейского жеманства и французской утонченности».

Не любил видеть следа... Тут что-то не так, товарищ Астахов... Потрудитесь заглянуть в текст известного письма Пушкина, которое вы, коверкая, цитируете, и, увидите, что «созидатель красот А. С. Пушкин» не мог бы писать таким слогом и стилем, каким вы заставляете его из'ясняться.

«Я не люблю видеть в первобытном нашем языке следы европейского жеманства и французской утонченности», — писал Пушкин.

Существенная разница!

Вслед за Пушкиным в поле зрения Астахова попадает Чехов. На 103-й странице читаем:

«Чехов в одном из писем **с гордостью говорил о себе:** «Умею коротко говорить о длинных предметах». В другом письме, еще раз возвращаясь к этой мысли, он **назидательно** говорил своему брату Александру: «Краткость — сестра таланта».

Тут «определенный» поклеп на классика, отличавшегося, как известно, исключительной скромностью, совершенно не умевшего «с гордостью» говорить о себе и ненавидевшего «назидательный» тон в литературных делах.

Приведем еще два-три перла из этой назидательной статьи Астахова.

«До тех пор, — рассказывает он начинающим, — пока писатель не нашел свой собственный слог, он **по необходимости** подражает другим писателям, заимствует у них уже **готовые образцы слога»** (стр. 104).

«Что же касается точности и краткости, как основных требований, слога, то о них **почти все** великие писатели отзываются **весьма положительно.** При этом (?) говорится (где? кем?—**Н. Б.**) не только о стихах, но и о прозе».

«Советуя (кому?—**Н. Б.**) «трудиться самым настоящим образом» и «прежде всего над языком», Чехов не мог не видеть могучей силы языка Толстого, нередко изобилующего сложными и даже громоздкими фразами...»

Видимо, редакция почтенного журнала считала уровень знаний тов. Астахова достаточно высоким, чтобы доверить ему дело просвещения молодых писателей. Однако, сдается нам, что подучиться следует прежде всего, самому консультанту.

*) Кстати сказать, Фет не всегда чурался просторечия и «грубоватых» слов. Знакомы ли Астахову, такие, например, строки Фета:

«Ей Ваня дорог с головы до пяток, —
А Ване скоро на шестой десяток!»

26 июня, в 2 часа дня
в Институте мировой литературы им. А. М. Горького
(ул. Воровского, 25-а)

СОСТОИТСЯ ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИЙ

На соискание ученой степени кандидата филологических наук:

1) **ДУБИНСКОЙ А. И. на тему: «Доходное место» А. Н. Островского в связи с литературой 60-х годов».**
(Офиц. оппоненты — доктор филологических наук **Н. Л. Бродский** и канд. филологических наук **А. Г. Цейтлин**).

2) **ЗАКС Е. М. на тему: «Проблема реализма в трилогии Арнольда Цвейга».**
(Офиц. оппоненты — доктор филологических наук **И. М. Нусинов** и канд. филологических наук **Т. Л. Мотылева**).

В пятницу, 28 июня, в 2 часа дня там же состоится защита диссертаций:

1) **На соискание ученой степени доктора филологических наук ЦЕЙТЛИНЫМ А. Г. на тему: «Русский физиологический очерк».**
(Офиц. оппоненты: действительный член Академии наук УССР, доктор филологических наук **А. И. Белецкий**, доктор филологических наук **Н. Л. Бродский** и доктор филологических наук **В. Я. Кирпотин**).

2) **На соискание ученой степени кандидата филологических наук ГЕЛЬФАНДОМ М. С. на тему: «Пути развития реализма в русской советской литературе 40-х годов».**
(Офиц. оппоненты: доктор филологических наук **Л. И. Тимофеев** и канд. филологических наук **К. Л. Зелинский**).

С диссертациями и отзывами можно ознакомиться в секретариате Института (ул. Воровского, д. 25-а) ежедневно с 9 до 18 часов.

Литературный институт Союза советских писателей СССР
ОБ'ЯВЛЯЕТ ПРИЕМ СТУДЕНТОВ
на очное и заочное отделения

Институт имеет своей задачей дать высшее литературно-филологическое образование начинающим писателям

Срок обучения 5 лет.

При заявлении необходимо представить:

1. Свидетельство об окончании полной средней школы (аттестат).
2. Автобиографию.
3. Три фотокарточки.
4. Творческие труды (печатные и рукописные).
5. Справку об отношении к воинской обязанности.
6. Поступающие подвергаются вступительным испытаниям по следующим дисциплинам:

1. Русский язык. 2. Литература. 3. История народов СССР. 4. География. 5. Иностранный язык.

Прием заявлений с 20 июня по 31 июля 1946 г.

Лица, награжденные при окончании средней школы золотыми или серебряными медалями за отличные успехи и примерное поведение, принимаются без приемных экзаменов при условии, если их творчество соответствует требованиям, пред'являемым к поступающим в Институт.

Иногородние обеспечиваются общежитием в исключительных случаях.

Приемные экзамены будут производиться с 1 по 20 августа 1946 г. Зачисление в число студентов производится с 21 по 25 августа.

Адрес: г. Москва, Тверской бульвар, 25. тел. К 5-30-85, К 0-55-26.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19. (Для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: критики — К 4-76-02, литературы братских республик — К 4-60-02, искусств — К 3-37-34, информации и писем — К 4-26-04, издательство — К 3-19-30.

Б—03272. Типография «Гудок», Москва, ул. Станкевича, 7. Зак. № 1481.